

Екатерина Ивицкая

Хоккёкусей Сила стихий

Екатерина Ивицкая
Хоккёкусей. Сила стихий

«Издательские решения»

Ивицкая Е.

Хоккёкусей. Сила стихий / Е. Ивицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964048-2

Третий роман «Хоккёкусей» обязан своим названием камню, который позволяет творить магию тем, кто потерял эту способность или был лишен ее от рождения. Камень случайно попадает в руки дочери Кагеро и Ооками Саншуо, и размеренной жизни всей семьи приходит конец. В четвертом романе «Сила стихий» маг Огня, который называет себя Мурого-касай, решает, что имеющаяся на Сейто система управления изжила себя, и пытается взять власть в свои руки.

ISBN 978-5-44-964048-2

© Ивицкая Е.
© Издательские решения

Содержание

Хоккёкусей	6
Пролог	6
Глава 1. Таинственный камень	8
Глава 2. Нападение на Ооками	14
Глава 3. Томительное ожидание	20
Глава 4. Странные сны	25
Глава 5. Нападение на Кагеро	30
Глава 6. Возвращение Ооками	35
Глава 7. Тайны приоткрываются	39
Глава 8. Хоккёкусей – Северная звезда	45
Глава 9. Поиски детей	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Хоккёкусей. Сила стихий

Екатерина Ивицкая

Дизайнер обложки Татьяна Колесникова

Иллюстратор Татьяна Колесникова

Корректор Владислава Ильичева

Корректор Оксана Щегульная-Дубровская

© Екатерина Ивицкая, 2019

© Татьяна Колесникова, дизайн обложки, 2019

© Татьяна Колесникова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-4048-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хоккёкусей

роман

Пролог

Много лет назад в семье советника из южных земель Хидари¹ родилась дочь. Она была единственным ребенком, и мать с отцом души в ней не чаяли, выполняли все желания. Девочка выросла очаровательной, но капризной. Слухи о ее красоте не только быстро разлетелись по Хидари, но и дошли до Сейто². Многие женихи просили ее руки, а отец, привыкший выполнять требования дочери, отказывал им. Девушка отвергала и богатые подарки, и красивых молодых людей.

Один юноша, сын лекаря, живший на Сейто, прослышал о дочери советника и решил, что именно она станет его женой. «Подумаешь, своейравна! – размышлял он. – Живя с такой красавицей, можно капризы и потерпеть». Он отпросился у отца, собрал свой походный мешок и нанялся юнгой на первый же корабль, отходящий на Хидари.

Дорога была дальней и трудной, но мысли о необыкновенной красавице, которая станет его женой, не давали унывать. Прошел не один месяц, пока юноша добрался до дома, где жила девушка.

Когда красавица увидела, что какой-то чумазый сын лекаря пришел взять ее в жены, она рассмеялась ему в лицо и хотела было прогнать, но потом передумала и высокомерно заявила:

– Я выйду за тебя замуж, если ты принесешь мне с неба звезду.

Юноша обрадовался и подумал: стоит ему взойти на самую высокую гору, что находилась на севере Хидари, и протянуть руку, как та сразу упадет в ладони.

– Будет тебе звезда, красавица! Готовь свадебные платья и угощения! – юноша поклонился надменной девушке и отправился в путь.

Сын лекаря шел много дней, и лето сменилось осенью, когда он дошел до подножия самой высокой горы. Он запрокинул голову и увидел тысячи сверкающих звездочек, покрывающих ночное небо. Захватив побольше еды, юноша начал взбираться вверх. Через несколько дней он достиг вершины и снова взглянул на небо. Звезды были так же далеко, как и в самом начале восхождения. Юноша лег на камни и стал печально рассматривать мерцающие точки. А ведь он был уверен, что с самой высокой горы до звезд рукой подать!

Не зная, что ему делать дальше, опечаленный юноша продолжал любоваться звездами. Как вдруг одна из них на севере мигнула и пронеслась по небу ярким снопом света. «Звезда! Я нашел звезду! Северную звезду!» – воскликнул юноша и поспешил к тому месту, где приземлилась небесная путешественница.

Каково же было его удивление, когда он обнаружил на месте падения не прекраснейший алмаз или иной драгоценный камень, а невзрачный, уродливый, почерневший обломок скалы. Но юноша-то видел, что он упал с неба! Значит, это и есть звезда. Он завернул находку в кусок ткани, положил в мешок и пошел обратно к дому красавицы.

Когда он показал своей возлюбленной звезду, та пришла в ярость и приказала не просто прогнать нерадивого жениха, но и избить палками. Юноша спрятал свою находку и побе-

¹ Хидари – правый. Центральный материк в правом полушарии (все имена и термины – перевод и стилизация под японский язык)

² Сейто – левый. Центральный материк в левом полушарии

жал подальше от ворот, но его схватили стражники и принялись колотить. Бедолага тогда в сердцах воскликнул: «Как бы я хотел сейчас оказаться дома!» И... в тот же миг он ощутил себя во дворе дома своего отца.

Юноша растерянно оглядывался вокруг и не понимал, что произошло. К нему с расспросами поспешил удивленный отец.

– Не знаю, как это случилось... – оправдывался он. – Я только подумал, что хорошо бы оказаться дома.

– Подумай еще о чем-нибудь, например, о жилище попросторнее, – предложил старик-лекарь.

Юноша попробовал, но ничего не произошло. «В тот момент я держал в руке Хоккёкусей³, – так он назвал свою звезду. – Может, это он меня спас от палок?!»

Юноша взял в руки отвергнутый камень и подумал о большом и уютном доме. В тот же миг старый стал точь-в-точь таким, как он представил.

– О чудо! – воскликнул изумленный отец. – Да ты, похоже, волшебник!

– Нет, это не я, – вздохнул юноша. – Мой уродливый камень творит чудеса...

– Зачем ты оскорбляешь эту вещь, которая помогла тебе избавиться от погони и построила нам такой замечательный дом! – упрекнул его отец.

– Потому что он уродлив! Самая красивая на свете девушка не захотела им обладать.

– А может быть, она просто не разглядела его как следует? – спросил отец. – Точно так же, как и ты не заметил черствую душу твоей возлюбленной, которую она прятала за миловидным лицом?

– Не говори так о моей красавице! Я достану звезду, которая достойна ее! – воскликнул юноша. – Хоккёкусей, отнеси меня туда, где находится самый красивый на свете алмаз!

Камень повиновался приказу своего неразумного господина, и в тот же миг юноша оказался в глубокой пещере самой высокой горы Хидари. Там он увидел чудесный яркий камень, который внутренним светом разгонял мрак и сырость. Алмаз находился как раз между полом и потолком и, казалось, поддерживал свод. Но юноша не обратил внимания на это. Он обхватил камень и дернул на себя. В тот же самый миг стены пещеры задрожали и погребли под собой как юношу, так и Хоккёкусей – Северную звезду.

По Хидари распространились легенды о том, как юноша-махоцукай⁴ смог исчезнуть прямо из рук стражников, а на Сейто – о том, как бедняк превратил старый и обветшалый дом отца в просторные и светлые покои. И все они упоминали о странном неказистом камне, который юноша хотел подарить невесте. А красавица так и осталась до конца своих дней одна – поняв, что за ценность отвергла, девушка стала требовать от женихов принести именно Северную звезду. Но как камень ни искали, никто найти его не смог...

³ Хоккёкусей – Северная звезда

⁴ Махоцукай – колдун, так на Хидари называют магов с Сейто

Глава 1. Таинственный камень

Маленькая черноволосая девочка лет шести, держа в одной руке тряпичную куклу, а в другой – длинную палку, шла по лесу и искала среди опавших листьев ядрышки каштанов. Она очень любила вечером, при свете магического огонька, перебирать небольшие коричневые шарики, которые пахли теплом и осенью. Складывая каштан за каштаном в привязанный к спине куклы мешочек, девочка все дальше углублялась в лес: она не опасалась гулять одна, без брата или родителей, так как знала – если что-то случится, то мама или папа обязательно придут на помощь.

– Вот видишь, Омотя⁵, – разговаривала она со своей куклой. – Сегодня нам с тобой так везет! Столько каштанов я давно не находила! Ой...

Девочка вскрикнула, заметив, что ближайшая куча разноцветных листьев зашевелилась. Она хотела убежать, но любопытство пересилило страх, и, перехватив палку поудобнее, малышка осторожно подошла к источнику шума. Лиса или крыса?

Подобравшись поближе, она закричала от ужаса: из золотых листьев на нее смотрел грязный и израненный мужчина. Окинув ее мутным и тяжелым взглядом, он прохрипел:

– Не шуми, а то они найдут нас. – Девочка испуганно кивнула и замерла, стиснув пальчиками палку покрепче. – Подойди...

Противиться приказу раненого она не могла: будто какая-то сила не давала возможности убежать или позвать на помощь. Девочка стала медленно приближаться, и ее сердечко было готово выпрыгнуть из груди от страха. Раненый со стоном зашевелился и протянул окровавленную руку.

– Теперь он твой...

Она опустилась рядом с мужчиной на колени и взяла из его пальцев грязный невзрачный камень размером чуть больше куриного яйца. Раненый закашлялся, отхаркивая кровь из легких, и забился в судороге.

– Никогда... Никому... О нем... Не говори... – прохрипел он, переводя дыхание между приступами. – А теперь... беги к маме...

Кивнув, девочка спрятала камень среди каштанов и понеслась в сторону дома так, будто за ней гонятся те, о ком говорил раненый. Вбежав во двор, малышка увидела мать, которая что-то обсуждала со стражником, уткнулась ей в бедро и обняла, словно ища защиты. Сразу

⁵ Омотя – кукла

заметив, в каком виде и состоянии с прогулки по лесу вернулась дочь, та ахнула и присела рядом:

– Саншуб⁶, где ты была? Ты поранилась? – она тревожно осматривала дочку, проверяя ладошки и одежду.

– Нет, мамочка, – прошептала Саншуо, – это там... он лежит.

– Кто лежит? – в голосе матери зазвучал тревожные ноты.

– Мужчина... в лесу.

– Прикажете созвать людей, госпожа Кагеро⁷? – обратился к княгине стоявший рядом стражник.

– Да, Ринкусу⁸, проверьте окрестности, – ответила она, взяла девочку за руку и повела в дом.

Им навстречу выбежал мальчик, очень похожий на Саншуо, и, увидев перепачканную в крови и грязи сестру, замер от удивления.

– Цуру⁹, – Кагеро обратилась к сыну, – найди отца и передай, пожалуйста, что я буду ждать его во дворе.

Кивнув, мальчик скорчил сестре веселую рожицу и стремглав бросился на поиски. Кагеро привела дочку в комнату и первым делом сняла с нее косодэ¹⁰, на которое попали капельки крови, затем вымыла ладошки и передела в чистую одежду.

– Саншуо, расскажи, пожалуйста, что произошло, – она села на кровать, посадила девочку к себе на колени и обняла.

– Все в порядке, мамочка... я просто немного испугалась, когда нашла человека в лесу.

– Он с тобой говорил?

Саншуо кивнула, но ничего больше не произнесла: она помнила слова раненого о том, что о камне никто не должен знать, даже мама.

– Что он сказал? – мягко допытывалась Кагеро.

– Бежать к тебе...

Не обязательно врать – мама всегда могла определить, правду говорят они с братом или нет, – можно было просто утаить ту часть про камень. Камень! Его так хотелось разглядеть, но присутствие матери, которая, казалось, не собиралась оставлять дочь одну, делало это невозможным. Поэтому девочка выскользнула из объятий и решила выпроводить ее из комнаты:

– Но я теперь дома и ничего не боюсь! Так что ты можешь не волноваться за меня и идти к папе, он же ждет тебя во дворе!

Саншуо настойчиво потянула мать за руку по направлению к выходу. Кагеро если и удивилась такому странному перепаду в настроении дочери, то не подала вида, еще раз внимательно осмотрела девочку и, прибавив несколько заклинаний, которые подтвердили, что та в полном порядке, обняла дочь и вышла из комнаты.

Надеясь успеть до возвращения брата, Саншуо живо схватила мешочек и высыпала его содержимое на кровать. Среди красивых маслянистых каштанов лежал перепачканный кровью и грязью неказистый камень. От волнения у нее перехватило дыхание, она осторожно взяла его и опустила в чашу с водой, в которой до этого мыла ладошки.

От купания трофей красивее не стал. Но в нем было что-то такое... притягивающее – ведь не зря же тот человек сказал: камень никому нельзя показывать! Саншуо обтерла его о косодэ

⁶ Саншуо – саламандра

⁷ Кагеро – стрекоза

⁸ Ринкусу – рысь

⁹ Цуру – журавль

¹⁰ косодэ – женское платье-халат с длинными рукавами и широким поясом «оби»

и поспешила спрятать обратно в мешочек, прикрепленный к спине куклы, – раздались шаги, а она не собиралась говорить о находке даже брату.

– Давай, сестренка, рассказывай! – Цуру уселся на кровати рядом с каштанами и запустил пальцы в кучу. – В следующий раз я тоже с тобой пойду! Вдруг мы еще кого в лесу найдем!

В его глазах горел восторг, и казалось, он упивается столь опасной ситуацией. Еще бы: не каждый день по лесу у дома ходят чужаки!

– Боюсь, что теперь нас гулять одних не пустят, – вздохнула девочка, забираясь на кровать рядом с братом.

– Тут ты права, – так же невесело ответил Цуру. – Отец как увидел, кого ты нашла, так приказал Ринкусу приставить к нам стражника.

– Того человека уже привели в дом?

– Привели? Нет, сестренка, принесли. Он мертв! – с гордостью, что первый узнал такие страшно интересные вещи, ответил мальчик.

– Не понимаю, как он мог оказаться в нашем лесу? – князь Ооками¹¹ осмотрел тело принесенного мужчины и обернулся к подошедшей жене.

– Где Цуру? – спросила Кагеро, внимательным и острым взглядом, стараясь не пропустить ни малейшей детали, изучая покойника.

Она была уверена, что этого мужчину никогда не видела, и пыталась понять, как он смог подобраться так близко к дому. И где может находиться тот человек – или же люди, – забывшие этого бедолагу до смерти. Его лохмотья мало походили на одежду, которую носили на Сейто. Они скорее напоминали исподнее белье или – очень отдаленно – то, что надевали на Хидари. Можно было предположить, что это заблудившийся моряк, но от ближайшего порта с такими ранами он не смог бы дойти до ее земель. Ни вещей, ни еды, ни денег у него при себе не было: он словно откуда-то сбежал, оставив все имущество в руках своих истязателей. А о том, что его били, и не раз, говорили многочисленные шрамы на спине, плечах и ногах.

– Убежал к сестре.

Ринкусу подошел к телу и кончиком ножен указал на внутреннюю часть лодыжки мужчины:

– Взгляните на это...

Кожа на ноге была неровной, казалось, что старые зарубцевавшиеся шрамы образуют какую-то фигуру. Ооками призвал валяющуюся у забора палку и попытался на песке повторить порядок линий.

– Одна горизонтальная, несколько почти вертикальных... – комментировал он свои действия.

– Если ты поставишь к каждой вертикальной по небольшой черте, то получится знак смерти, – Кагеро задумчиво следила за кончиком палки.

Ооками провел недостающие линии и кивнул, соглашаясь со словами жены.

– От чего он умер? – спросила Кагеро – ей не хотелось касаться тела, чтобы с помощью заклинаний ответить на этот вопрос.

– Полагаю, от кровопотери и истощения, – произнес начальник охраны, перевернул тело на живот и указал на шрамы и раны, часть которых были свежими. – Похоже, что его постоянно били кнутами... Иначе откуда такие отметины?

– Детей в лес одних пускать пока не будем, – подвела итог Кагеро, вставая и отходя от тела.

¹¹ Ооками – волк

– Я уже отдал приказ приставить к ним кого-нибудь из стражников, – ответил Ооками. – Но ты же знаешь, что за нашими детьми уследить нереально.

– В ближайшие дни присмотрю сама, пока не станет ясно, что подобные случаи не повторятся. Саншуо, кажется, что-то недоговаривает, – Кагеро нахмурилась. – Но, может, она просто испугалась, поэтому так странно себя вела. Пойду проведу их.

Оставив мужа и начальника охраны решать, как избавиться от тела, Кагеро тихо подошла к комнате дочери и осторожно заглянула в приоткрытую дверь. Вид близнецов, сидящих рядышком на кровати и разглядывающих найденные каштаны, немного успокоил ее, но инстинктивно она чувствовала, что что-то упустила. Решив понаблюдать за дочерью в ближайшие дни, княгиня прикрыла за собой дверь и пошла в свои комнаты.

Личность таинственно умершего человека так и осталась невыясненной. За несколько лет этот случай изгладился из памяти Цуру и Кагеро с Ооками. Лишь маленькая Саншуо каждый раз, порываясь поговорить о странном камне с братом или родителями, словно слышала наставление умирающего никому не рассказывать о нем. Девочка никогда не расставалась с камнем, он всегда лежал в мешочке куклы, а та была верным спутником во всех играх и проказах.

Проказничать дети любили, особенно когда дом наполнялся гостями или же они сами переносились на Хидари: несколько раз в год или Кагеро и Ооками навещали Тору¹² и Асунаро¹³ и проводили декаду или две на Хидари, или же тетя и дядя вместе с Юми¹⁴ и малышкой Ясумин¹⁵ приезжали на Сейто. Очень часто к ним присоединялись старшая сестра Кицунэ¹⁶ и Итачи¹⁷ с дочкой Шикой¹⁸. Шика была только на полгода старше близнецов и любила шалости не меньше их. Тора радовалась, что Ясумин еще недостаточно подросла, чтобы играть без присмотра, потому что четверо старших сорванцов с помощью магии творили такие невообразимые вещи, от которых родители часто хватались за сердце. Теперь Асунаро, получивший после первого визита Кагеро и Ооками на Хидари должность в Высшем совете, мог беспрепятственно переносить своих родственников из одного дома в другой, и подобные встречи за несколько лет стали доброй традицией.

Ооками тоже часто навещал соседний материк: он вошел в Совет магов Сейто и отвечал за отношения между странами. То, что его уже знали на Хидари, сыграло большую роль в этом назначении, и теперь он также получил возможность свободно перемещаться между материками в любое время.

Вот и в этот раз он поздно вечером собирался на Хидари – из-за разницы во времени следовало дожидаться, когда во дворце Повелителя наступит утро. Кагеро пыталась уложить детей спать, прежде чем идти провожать мужа, но если спрятавшегося в кладовой Цуру она нашла довольно быстро, то Саншуо, похоже, была где-то во дворе.

Ооками не стал ждать, пока Кагеро успокоит расшалившегося сына, и сам отправился на поиски дочери. Девочка нашлась у леса под сосной: она увлеченно играла с куклой при свете трех ярких шариков, которые только недавно научилась создавать.

– Саншуо, разве ты не слышала, как мама звала тебя спать? – Ооками подошел к дочери и присел рядом.

¹² Тора – тигрица

¹³ Асунаро – кипарис

¹⁴ Юми – стрела

¹⁵ Ясумин – жасмин

¹⁶ Кицунэ – лиса

¹⁷ Итачи – ласка

¹⁸ Шика – олень

– Слышала, – хмурясь, ответила девочка, сдувая с ладошки маленькие искорки, которые немного пролетали вверх, а затем медленно гасли, опускаясь на землю.

– И почему же ты еще не в постели? – укоризненно спросил отец.

Очередная искорка подпалила край хакама¹⁹, но он не успел и шевельнуть пальцами, как в следующий момент та исчезла, не нанеся большого урона парадному одеянию.

– Потому что я хочу еще немного поиграть с огоньками, – ответил упрямый ребенок.

– Уже поздно играть с огоньками. К тому же мне надо уходить по делам, – со вздохом произнес Ооками и, подхватив дочку на руки, выпрямился. – Не заставляй маму волноваться и бегать за тобой, чтобы уложить спать.

Саншуо надулась, но не протестовала, так как действительно устала. Но тут она заметила, что ее любимый камень остался лежать в окружении почти потухших огоньков.

– Папа! Папа! – вскрикнула она и попыталась вырваться из рук отца. – Там мой камень, я не могу его тут оставить!

– Какой камень? – еще раз вздохнул Ооками и повернулся обратно.

– Ну вон же, видишь? – Саншуо указала пальчиком на свою драгоценность и снова попыталась слезть на землю.

Но Ооками решил, что выпускать дочь может быть чревато, поэтому присел и взял свободной правой рукой указанный предмет. Нахмурившись, он повертел находку в пальцах, а затем протянул дочери, которая моментально выхватила ее и бережно спрятала в мешочке.

– Странные у тебя игрушки... – прокомментировал он, качая головой.

Боясь, что отец заберет и выкинет неказистый камушек, Саншуо притихла и позволила уложить себя в постель. Цуру уже почти заснул, поэтому Кагеро успела выйти на террасу прежде, чем Ооками исчез в портале.

– Когда ждать тебя обратно?

Почему-то именно сегодня ей не хотелось, чтобы он уходил. Как в те первые ночи, когда Кагеро была вынуждена оставаться одна и боялась закрыть глаза до его возвращения. За несколько лет она привыкла и перестала переживать – на советника-чужестранца мог напасть любой, зная, что он махоцукай. А ее бы в этот момент не было рядом, чтобы его защитить. Но почти всегда, когда Кагеро просыпалась, Ооками уже был дома и спал рядом, прижимая ее к груди и своим теплом отгоняя все страхи прочь. К тому же Ооками, зная об опасениях жены за его жизнь, предупреждал, если приходилось оставаться во дворце Повелителя больше, чем на несколько часов.

– В этот раз придется задержаться дня на два, – в голосе Ооками чувствовалось сожаление. – Надо подписать пару договоров, которые выгодны скорее нам, чем им. Поэтому на обсуждение всех условий может уйти время. Переночую у Асунаро...

Он приобнял ее за талию, притянул к себе, нежно коснулся губами щеки и, чуть отстранившись, посмотрел в глаза, ожидая реакции на свои слова.

– Хорошо, я присмотрю за твоими делами, – как ни в чем не бывало, мягко улыбнулась в ответ Кагеро. – И передавай привет Торе, давно она не появлялась у нас в гостях!

Ооками уже сделал шаг назад и поднял руку, чтобы открыть портал, как странное предчувствие закралось в душу. В этот вечер что-то было не так... Но он уже опаздывал на заседание Совета Хидари (Повелитель не терпел, чтобы кто-то приходил в зал после него), поэтому отогнал эти мысли, ободряюще улыбнулся на прощание и исчез в фиолетовой дымке.

¹⁹ Хакама – юбка-брюки, которые носят мужчины или женщины-воины на Сейто

Несмотря на предупреждение, ближе к вечеру следующего дня в сердце Кагеро поселилась тревога. Вторая ночь прошла беспокойно, а на третью она проснулась в холодном поту, пытаясь изгнать из памяти те кошмары, которые впервые за долгие годы вернулись обратно. Весь последующий день ее терзали дурные предчувствия, а ночью на заднем дворе снова был слышен свист катаны – единственный верный способ успокоить натянутые до предела нервы. Ооками не появился ни на четвертый день, ни на пятый...

А когда на шестой – ближе к вечеру – из портала у ворот поместья вышел бледный и необычно серьезный Асунаро, Кагеро поняла, что все ее худшие страхи и кошмары воплотились в реальность...

Глава 2. Нападение на Ооками

Предчувствуя беду, Кагеро выбежала из дома навстречу Асунаро – она не сомневалась: появление деверя связано с исчезновением Ооками.

– Что с ним? – выдохнула она и, чувствуя, как от ледящего ужаса подгибаются ноги, вцепилась Асунаро в плечо.

Тот помедлил с ответом, но затем посмотрел ей в глаза и негромко произнес:

– Он жив... Я пришел за вами. Поднимите детей, перенесу вас в Укиту.

Кагеро не шелохнулась, только сильнее сжала сведённые судорогой пальцы. Боль в предплечье вынудила Асунаро перехватить ее запястье и без резких движений взять дрожащую ладонь в свою руку.

– Его пытали. Подкинули около получаса назад под ворота моего поместья. – Он говорил ровно и негромко, видя по стекленеющему взгляду Кагеро, что каждое слово наносит по ее выдержке сильный удар. – Собаки переполошили весь дом, почуяв кровь. Я послал за лекарем во дворец Повелителя – состояние Ооками крайне тяжелое. Потом сразу за вами. Мы теряем время на лишние разговоры, зовите детей.

Кагеро показалось, что жизнь остановилось. Вокруг не было звуков, она больше не различала цвета и предметы. Ледяное отчаяние выжигало сердце и подбиралось к душе, но резкий и жесткий окрик Асунаро – он, видя ее состояние, позвал по имени – вернул способность соображать. Кагеро на мгновение прикрыла глаза и сделала глубокий вдох. С выдохом ушло оцепенение: она, словно ветер, перенеслась в дом и подняла с постелей детей, которые еще не успели даже заснуть. По отчаянию в глазах матери Цуру и Саншуо поняли – случилось что-то серьезное, и сами молча и быстро оделись, но, уже стоя на террасе, девочка дернулась обратно:

– Я забыла Омотю!

– Саншуо! – с надрывом воскликнула Кагеро. – Потом вернешься за куклой!

– Мамочка, я быстро! – она юркнула в свою комнату и нагнала всех уже во дворе.

Вдох. Выдох. Шаг в портал.

Через мгновение они стояли под яркими лучами утреннего солнца Хидари: в центральном парке их ждал Юми, а из дома навстречу спешила Тора, и ее глаза были полны слез. Стражники стояли не только у ворот, но и вдоль стены, словно опасаясь, что и на их господина могут напасть. Один из них засыпал песком бурые пятна и следы, которые были видны по всему двору, и Кагеро, понимая, что это – кровь Ооками, судорожно сглотнула появившийся в горле ком и подтолкнула детей к парку, чтобы они не успели их заметить.

– Лекарь уже пришел? – обратился к жене Асунаро.

Тора стерла слезы, которые при виде семьи брата против воли снова покатались по щекам, покачала головой и обняла подбежавших поздороваться детей.

– Где он? – спросила Кагеро ровным голосом.

Страх за жизнь Ооками сковывал движения и мысли, пришлось сделать усилие, чтобы при детях держать себя в руках.

– Наверху, в комнате... может, не стоит идти туда сейчас... – Тора переживала не меньше и уже видела, в каком состоянии брат.

– Ты не могла бы уложить детей спать? Они как раз собирались... – Кагеро, не обратив на слова подруги никакого внимания, сорвалась в указанном направлении.

Переглянувшись с женой и тяжело вздохнув, Асунаро пошел следом, так как знал, что увидит и без того издерганная Кагеро. Глотая слезы, Тора покачала головой и повела притихших и зевающих Цуру и Саншуо – они ничего не поняли из обрывков разговора взрослых – в комнату, в которой дети останавливались, приезжая в гости. Кагеро же взлетела по ступень-

кам на второй этаж, оглянулась и вопросительно посмотрела на едва поспевающего за ней Асунаро.

– В первой справа, – мрачно и коротко ответил тот, мысленно готовясь к возможной истерике непредсказуемой родственницы.

Но Кагеро была внешне спокойна и собрана. Она быстро пересекла галерею и вошла в указанную комнату, однако, сделав два шага, застыла от ужаса: тело, лежащее на низкой кровати, с которой были скинуты все подушки, несомненно, принадлежало ее мужу. Но как оно выглядело – этого Кагеро не могла вообразить даже в самых страшных кошмарах: заросшее щетиной лицо было не тронуто, но руки, ноги и торс представляли собой месиво из лоскутов кожи, обрывков одежды и запекшейся крови.

Медленно, на негнущихся ногах, она подошла ближе и, как в трансе, опустилась на колени, не в силах оторвать взгляда от изувеченного тела: ей казалось, что время вокруг замерло. Кагеро мягко коснулась дрожащими пальцами окровавленной руки Ооками, которая свешивалась с края, и переплела его пальцы со своими. Она хотела было поднести ладонь мужа к щеке, но замерла, увидев, что подушечки рассечены и кровоточат. Кагеро так и застыла, наблюдая, как алая капелька крови набухает на кончике израненного пальца: это означало, что сердце Ооками все еще бьется...

На галерее послышались торопливые шаги. В комнату в сопровождении Торы стремительно вошел мужчина, увешанный различными амулетами, коротко поклонился Асунаро и бегло окинул взглядом лежащего на кровати Ооками.

– Женщинам тут не место, – бросил он, материализуя с помощью одного из амулетов какие-то снадобья и травы.

Но Кагеро, казалось, не видела пришедшего лекаря и не слышала его слов. Тяжело вздохнув, Тора подошла к подруге, присела рядом и приобняла за плечи, словно хотела предложить разделить свое горе с ней.

– Кагеро, пойдем... – она пыталась подобрать слова, которые могли бы вернуть подругу к реальности. – Пойдем проведаем, как там Цуру и Саншуо... Они, наверное, ждут, что ты заглянешь к ним перед сном.

Услышав имена детей, Кагеро действительно пришла в себя и огляделась, как будто видела комнату впервые. Затем поднялась, опираясь на руку Торы.

– Да... да, ты права... – пробормотала она и, кинув отчаянный взгляд на почти бездыханного мужа, вышла из комнаты в сопровождении хозяйки дома.

На галерее Кагеро стало легче: она прислонилась спиной к холодному мрамору и прикрыла глаза. Тора внимательно следила за ней, словно опасалась, что подруга лишится чувств от переживаний. Но Кагеро несколько раз мотнула головой, отгоняя видения, и устало потерла виски.

– Цуру и Саншуо уже спят?

Кагеро не осознавала, как долго находилась рядом с Ооками. Ей казалось, прошла целая вечность с момента, как Асунаро появился во дворе ее дома.

– Не думаю, – мягко ответила Тора. – Я их уложила совсем недавно.

– Они не должны знать о том, что произошло с отцом, – ровно и без эмоций сказала она. – Юми видел?..

Асунаро успел перехватить только перепуганную отчаянным воем собак Ясумин: девочка выскочила из своей комнаты и побежала вниз по лестнице следом за родителями. Проворный и стремительный Юми, перепрыгивая через ступеньки, опередил мать, и Тора не успела помешать ему замереть от испуга рядом с изрезанным телом дяди, которое стражники осторожно опустили на песок во внутреннем дворе.

– Да, но я скажу ему не вдаваться в подробности.

– Спасибо, – выдохнула Кагеро и кинула отчаянный взгляд в сторону запертой двери. – Действительно... пока схожу проведать их...

Но не успела она сделать и шага, как Тора коснулась ее плеча и жестко произнесла:

– Тогда надо взять себя в руки. Нельзя, чтобы дети видели тебя в таком состоянии.

Что на самом деле творилось в душе Кагеро, не знал и не мог представить никто. Раньше воспоминания никогда не терзали ее на Хидари – Ооками всегда был рядом, всегда защищал от них.

Теперь же она снова встретилась с ними лицом к лицу.

– Ты права... – закрывая глаза и сжимая пальцы в кулаки, прошептала Кагеро. – Ты права...

Сделав несколько глубоких вдохов, она выпрямилась и заставила себя на время отстраниться от увиденного. У нее еще были силы, чтобы противостоять призракам прошлого: черты лица смягчились, но напряжение чувствовалось в скованности движений и слишком прямой спине. Кивнув Торе, она пошла по галерее в левое крыло поместья, где располагались детские комнаты.

Цуру и Саншуо не спали: как только Кагеро появилась, они вскочили с кроватей и подбежали к матери. Оставшись одни, дети стали вспоминать обрывки услышанных разговоров взрослых, шёпотом делились тем, что успели заметить после того, как попали в дом дяди. И решили, что раз мама так переживает уже не первый день, значит, состояние отца тяжелое.

– Как папа? – обеспокоенно спросила Саншуо и с тревогой взглянула в глаза матери. – Ему очень плохо?

– С ним все будет хорошо, – Кагеро присела и обняла детей. – К нему приехал врач, и ваш отец скоро поправится. Вам пока надо немного поспать, хотя бы до обеда.

Кагеро отвечала ровным и тихим голосом, стараясь, чтобы тревога не передалась детям. Ей отчаянно хотелось вернуться обратно – опуститься в сейдза²⁰ рядом с дверью в комнату, в которой вел борьбу за жизнь Ооками, – но заставляла себя не думать об этом. Сейчас она была нужна детям, а на Хидари мужу никак не могла помочь.

– А потом мы можем пойти поиграть во дворе с Юми? – спросил Цуру.

Раз мама говорила, что все хорошо – значит, так и было. Они тоже недавно тяжело болели, и пришлось звать врача – его горькие микстуры поставили их на ноги за пару дней. Поэтому повода для переживаний больше не было.

– После того как поспите – да, можете.

Кагеро приобняла близнецов за плечи и подвела к кроватям.

– Ой, ты поранилась! – воскликнул Цуру, указывая на кровь на рукаве матери.

Вдох. Выдох.

– Ничего страшного, сынок, – после паузы ответила Кагеро: заставить себя не думать о том, почему кровь туда попала, было нелегко. – Эта рана затянется... Ложись спать...

Поцеловав и крепко обняв каждого, Кагеро вышла вслед за Торой в коридор и прикрыла дверь комнаты.

Тора и Кагеро уже несколько часов сидели на подушках центральной террасы второго этажа в ожидании Асунаро и врача, которые все никак не выходили из комнаты. Кагеро порывалась сесть ближе, на холодный мраморный пол галереи, но Тора не позволила ей сделать это – увлекла на подушки и почти насильно заставила выпить хоть одну чашку чая (в которую предусмотрительно добавила успокоительное зелье). Натянутые до предела нервы могла рас-

²⁰ сейдза – поза сидя на коленях, в которой также можно передвигаться по татами

слабить лишь катана Нии-ши²¹, но выходить из дома Кагеро не решилась, вместо этого погрузилась в подобие транса и сидела без движения, уставившись в одну точку на противоположной стене. Зелья никогда не помогали ей.

За это время Тора была вынуждена несколько раз отлучиться, чтобы отдать приказы слугам об обеде и провести Ясумин и Юми, который обещал матери присматривать за младшими сестрами и братом. Но все остальное время она внимательно следила за неподвижной подружкой и старалась не думать о том, что происходит в соседней комнате.

Скрипнула дверь. Послышались шаги, и Кагеро дернула головой, выходя из транса. Вскользнув на ноги она не успела – на террасе появились Асунаро и лекарь, и вместе с ними ворвался вихрь ароматов лечебных трав. Кое-где на их рукавах были заметны пятна крови, но выражение лиц было усталым, а не скорбным, и, несмотря на это, Кагеро поняла, что не может первой задать вопрос, словно ком в горле мешал ей говорить. Пока они усаживались на подушки, Тора позвала слуг, чтобы те принесли чай.

– Ваш муж жив, госпожа Нии-ши, – наконец ответил лекарь, понимая, что его слов ждут с замиранием сердца. – Состояние еще тяжелое, но мы с советником Асунаро сделали все возможное, чтобы не дать ему уйти к Повелителю душ. Он должен оставаться здесь, на Хидари. Любое перемещение на Сейто для него смертельно.

Кагеро облегченно вздохнула и уронила голову на ладони. Тем временем лекарь, приняв пиалу с чаем из рук хозяйки, продолжал:

– Я залечил как внешние раны, так и многочисленные внутренние. Целебные заклинания должны привести его тело в нормальное состояние дней за шесть-восемь. Это время он пробудет без сознания, магия будет подпитывать его, а когда придет в себя, вернет *физическую* форму за день-другой. Шрамы месяц или два будут видны, но большая часть через полгода исчезнет.

– Физическую? – переспросила Кагеро, почувствовав, что лекарь выделил это слово.

– Мне сложно предположить, как пережитое скажется на его душевном состоянии. Мои заклинания смягчат восприятие в первое время. Ваш муж будет помнить, что с ним происходило, но это не доставит ему сильных страданий. Полагаю, когда вы вернетесь на Сейто, воспоминания могут стать более яркими. С ним работал настоящий мастер, поэтому я не удивлюсь, если его душевное состояние претерпит некоторые изменения.

– Настоящий мастер? Что вы имеете в виду? – Кагеро медленно выпрямила спину, а в глазах появился опасный блеск.

– Вы же не думаете, что его банально стегали хлыстом? – пожав плечами, ответил лекарь. – С ним работал человек, прошедший полное посвящение в искусство пыток! Все раны были нанесены с целью доставить максимальную боль с минимальными повреждениями тела. Это действительно был мастер, я видел немало бедолаг после подобных процедур, и они не шли ни в какое сравнение.

Тора заметно побледнела уже при первых словах о пытках, но Кагеро не изменилась в лице, только сильно сжала кулаки, впиваясь до боли ногтями в ладони.

– И много ли, советник, у вас в стране людей, владеющих таким искусством? – холодно спросила она.

Асунаро задумался, подсчитывая, сколько палачей работало в Подвалах дворца за последние годы:

– По всей стране, наверное, наберется больше сотни. Это из тех, кто активно практикует или уже отошел от дел, но мастерством все равно владеет. Пытки, Кагеро Нии-ши, распространены на Хидари как способ добывания нужной информации.

²¹ Нии-ши – произвольно образованное слово. Титул, которым величают на Хидари Кагеро. Ей принадлежит амулет – катана, и всех, кого этот амулет выбирал называли этим именем.

В комнате воцарилось молчание, которое прервал задумчивый голос лекаря:

– Только одного не могу понять... Зачем он рассек ему подушечки пальцев. Совершенно бесполезные раны с любой точки зрения... К тому же, учитывая, что повреждения были нанесены несколько часов назад, когда советник уже находился в таком состоянии, он даже не почувствовал боли. Это единственные ранки, которые не хотели затягиваться. Предполагаю, что для их нанесения использовали неизвестный мне амулет. Они больше не кровоточат, но все еще открыты. Я бы посоветовал прикладывать к пальцам примочки из ромашки...

– Благодарю вас, – Кагеро поднялась с подушек и поклонилась лекарю.

Больше медлить она не могла: отчаяние снова начинало брать верх, и ей было жизненно необходимо увидеть Ооками, пусть даже лежащего без сознания.

– Помочь Нии-ши – честь для меня, – ответил он с поклоном.

Кагеро коротко кивнула Асунаро и Торе, вышла из комнаты и направилась в спальню мужа. Жив. Самое главное – Ооками жив. А остальное уже не было важным.

Тихое появление Асунаро незадолго до восхода солнца в поместье князя Итачи прошло почти незамеченным. Дежуривший ночью стражник разбудил своего господина, и тот вышел во двор навстречу неожиданному гостю. Заходить в дом Асунаро отказался, и встревоженный его измученным видом Итачи предложил пройти в сад. Советник устало опустил на скамью и после небольшой паузы заговорил:

– Я хотел просить тебя и Кицуне погостить в Уките...

– Что случилось?

Итачи не тешил себя надеждой, что это простой визит вежливости.

– Ооками сильно изранен, Кагеро на грани. Мы с Торой не удержим ее, если он не выживет.

Князю не надо больше ничего объяснять, он слишком хорошо знал свою тещу, чтобы понимать, что происходит в ее душе, пока Ооками при смерти.

– Она уже порывается идти мстить?

– Некому, – Асунаро пожал плечами и устало потер виски: – Я не знаю исполнителя. К тому же она пока считает, что опасность позади. Лекарь, по моей просьбе, не сказал ей всей правды. Выживет ли он, будет ясно только через несколько дней.

– После того как Татемами²² отправился к Повелителю душ, от необдуманных действий ее если и может кто удержать, так это Ооками, – Итачи тяжело вздохнул, переживая за друга. – В любом случае, советник, на Хидари полетят головы с плеч: Кагеро не оставит это безнаказанным.

– Я знаю. И у нее есть полное право мстить... – тщетно пытаясь отогнать воспоминания о последних часах, ответил Асунаро. – То, что сделали с Ооками, ужасно.

Какое-то время они сидели молча, слушая нарастающий птичий гомон в предрассветной тишине и наблюдая, как восходящее солнце начинает окрашивать небо над кромкой леса. Итачи, пытаясь осознать услышанное, первый прервал молчание:

– Но кому это понадобилось?

Асунаро пожал плечами.

– Без понятия. Во дворце отрицают любую причастность к происшедшему. Ооками успешно закончил переговоры и собирался вернуться на Сейто. Но после того, как вышел во внутренний двор, больше его не видели. Стража посчитала, что он воспользовался порталом, и не обратила никакого внимания на то, кто был рядом с ним. Но на Сейто Ооками

²² Татемами – лев, отец Кагеро

не появлялся... В любом случае тебе и Кицуне с Шикой лучше перебраться на время к нам, чтобы быть в курсе происходящего. А также... – добавил он после небольшой паузы, – чтобы это никак не могло затронуть дочь Нии-ши...

– Понятно... – протянул Итачи. – Ты думаешь, это может быть связано с Кагеро и ее мечом?

– У меня нет ни одной идеи. Поэтому я лучше позабочусь о вашей безопасности сейчас, чем потом буду жалеть о непредусмотрительности.

Такие доводы показались Итачи весьма разумными, он резко поднялся со скамьи и спросил:

– Мне разбудить Кицуне и Шикую? Идем прямо сейчас?

– Нет, пока не стоит. У нас вечер, и я все же хотел бы несколько часов поспать. Спокойно соберитесь и ждите меня ближе к концу дня. Я сообщу, если...

Оборвав себя на полуслове, Асунаро тяжело поднялся, на прощание кивнул и пошел к выходу из поместья, чтобы открыть портал обратно на Хидари.

О том, что будет «если...», думать он себе категорически запрещал.

Глава 3. Томительное ожидание

Всю ночь и следующий день Кагеро просидела подле мужа. Положив пальцы на запястье Ооками, считала каждый удар сердца, отслеживая его тихое равномерное биение. Она видела, что заклинания лекаря Повелителя работали: раны медленно затягивались, оставляя за собой тонкие воспаленные дорожки шрамов. Изредка она поднималась – размять затекшие от неподвижного сидения в сейдза ноги и плечи, – но, как только переставала чувствовать пульсирующую под пальцами кровь, накатывала паника. Кагеро слишком хорошо знала это состояние – она находилась в нем долгие годы до появления в ее жизни Ооками – и возвращалась к кровати мужа до того, как леденящий страх потери охватывал настолько, что она не могла держать это чувство под контролем.

Размеренные легкие удары под пальцами прогоняли воспоминания. Кагеро подстраивала свое сбившееся дыхание в унисон с тихим дыханием Ооками и продолжала наблюдать. С каждым разом ей приходилось прилагать больше усилий, чтобы успокоиться – сказывались долгие часы бодрствования. Но спать она не решалась, помня, что в таком состоянии сны, полные кошмаров, спасением не являются.

Асунаро отправился на Сейто за Итачи и Кицуне еще на рассвете, он не мешкал с возвращением: лекарь наказал ему ежечасно проверять состояние шурина – первые несколько дней были решающими в борьбе за жизнь Ооками.

Дверь в комнату раненого оставалась постоянно открытой, чтобы при необходимости можно было без лишнего промедления позвать на помощь. Поэтому Асунаро тихо проходил по галерее и незамеченным останавливался в проеме. Несколько касаний амулетов, выданных лекарем, давали ему понять, что состояние Ооками не ухудшается. Каждый раз видел неподвижную прямую спину Кагеро и не решался тревожить ее беседами.

На дом уже спускались сумерки, когда Асунаро, придя проведать друга в очередной раз, увидел, как Кагеро сидит, сторбившись, ее плечи подрагивают от молчаливых рыданий. Подумав, что Ооками стало хуже, он влетел в комнату и активировал амулеты, позволяющие мгновенно определить состояние здоровья. Однако никаких изменений Асунаро не заметил, с облегчением выдохнул и повернулся к Кагеро. Ее плечи перестали дрожать, но она еще не решалась выпрямить спину, пряча заплаканные глаза.

– Он выживет... – тихо произнес Асунаро в попытке успокоить княгиню.

Та на какое-то время застыла, а потом выпрямилась и посмотрела на него: от сильной и хладнокровной Кагеро остались осколки. Не решившись продолжить разговор, он тяжело вздохнул и покачал головой. Затем направился к выходу из комнаты.

– Асунаро... – Она очень редко звала его по имени, используя в разговоре безличное обращение или должность. – Я хотела просить вас...

Тихо произнесенные слова заставили его вернуться и опуститься в сейдза с другой стороны кровати.

– Если... Ооками... – казалось, каждое слово Кагеро давалось с трудом, – отправится к Повелителю душ... позаботьтесь о Цуру и Саншуо и... не мешайте мне...

В следующий момент она резко подняла голову и с мольбой посмотрела ему в глаза. Асунаро отвел взгляд, не выдержав напряжения.

– Вы не понимаете, о чем просите, Кагеро... – произнес он через какое-то время.

– Вы не понимаете, во что превратится моя жизнь без него... – с возрастающим отчаянием в голосе возразила она.

Вместо ответа Асунаро поднялся и отошел к окну. Заходящее солнце окрашивало горизонт причудливыми алыми узорами, и он пытался найти подсказку в темнеющих облаках, мед-

ленно плывущих вдали. Кагеро же оставалось успокаивать свою душевную боль размеренными ударами пульса Ооками.

На галерее слышались легкие торопливые шаги – в комнату почти вбежала обеспокоенная долгим отсутствием мужа Тора.

– Что случилось? – негромко, но с тревогой в голосе спросила она и замерла, интуитивно поняв, что между Кагеро и ее мужем не просто так повисла гнетущая тишина.

Асунаро медленно повернулся и посмотрел на Кагеро.

– Я не могу... – ответил он, проигнорировав вопрос жены.

По судорожно дернувшимся пальцам Тора поняла, что это не те слова, которые хотела услышать Кагеро. Более не в силах совладать с эмоциями, княгиня сжалась и спрятала лицо в ладонях.

– Не могу... – повторил Асунаро, и в его голосе прозвучали нотки отчаяния, – придумать, как отговорить вас от этого. Я понимаю всю тщетность моих аргументов, я помню, что вам пришлось пережить. Но это неправильно, Кагеро!

И, повернувшись к жене, жестко ответил на ее вопрос:

– Если Ооками умрет, она последует за ним...

Торе не надо было объяснять, что происходило в комнате брата до ее появления: истощенная душевно и физически Кагеро была в своем поведении непредсказуема.

– Выйдем отсюда, – Тора не просила, а требовала продолжить разговор в другом месте.

Она первой вышла на галерею и стала ждать, пока к ней присоединятся Асунаро и Кагеро. Затем остановилась напротив жены брата, посмотрела ей прямо в глаза и резко произнесла:

– Отдай, пожалуйста, свою катану.

Кагеро подумала, что ослышалась, но ответить не успела, потому что негодующая подруга продолжила:

– Ты не спала почти двое суток, столько же не ела и не пила воды! Ты довела себя до такого состояния, что говоришь вещи, о которых впоследствии можешь пожалеть. Поэтому ты сейчас отдашь Асунаро свой меч, пойдешь в соседнюю комнату и выспишься. Я не пущу тебя к Ооками, пока не увижу, что ты снова в состоянии трезво оценивать происходящее! А Асунаро запрет катану и не отдаст, пока не будет уверен, что ты не используешь ее себе во вред. Если что-то случится с моим братом, я не позволю, чтобы мои племянники страдали от потери обоих родителей!

Краем глаза Тора видела: стоящий рядом Асунаро едва заметно коснулся перстня, чтобы не терять ни секунды для заклинания в случае, если Нии-ши сочтет такое требование угрозой и попытается напасть на них. Но Кагеро первая отвела взгляд, признавая свое поражение: не произнесла ни слова более, она молча отвязала саю²³ и с легким поклоном передала меч Асунаро. Тора не ожидала такого смирения и поняла, насколько обессилена Кагеро, чтобы без споров отдать свою единственную защиту на Хидари.

– Спасибо, что вывела нас обоих из этого безумного разговора, – вполголоса произнес Асунаро, когда за Кагеро закрылась дверь соседней гостевой комнаты. – Я должен был сказать ей это же сразу, но она так опутала меня своим состоянием безысходности, что и я потерял способность соображать. Не думал, что когда-либо увижу ее такой...

Открыв глаза утром, Кагеро первым делом подумала, что ей приснился новый кошмар, в котором Ооками теперь пытали, – обычно в подобных видениях он погибал от меча Куро-

²³ сая – ножны

тачи²⁴. Но в следующее мгновение поняла, что находится одна в спальне дома Асунаро, и окончательно осознала: кошмар был реальностью. Встать оказалось нелегко – кружилась голова и темнело в глазах. Кагеро заставила себя дойти до смежной со спальней уборной, скинула одежду и окатила все тело водой. Холодная, почти ледяная, – слуги не успели заранее нагреть ее, – моментально разогнала кровь и вернула ясность мысли. Приведя себя в порядок, она вышла на галерею и поспешила заглянуть в соседнюю комнату. Состояние Ооками мало изменилось с прошлого вечера, но после крепкого и долгого сна внутреннее напряжение исчезло: ушел панический страх потери, и от взгляда на почти затянувшиеся раны в ней всколыхнулась не боль, а желание отомстить за каждый порез, за каждый шрам. Следующим пришло чувство голода, поэтому она коротко коснулась губами запястья Ооками, чуть задержав взгляд на все еще незаживающих подушечках пальцев, и вышла из комнаты. У центральной лестницы она встретила недавно проснувшихся и полусонных детей: Саншуо и Цуру подбежали к матери, обняли ее. Кагеро присела и крепко прижала их к себе, устыдившись вчерашнего порыва последовать за Ооками к Повелителю душ и оставить детей сиротами.

– Мам, можно, мы немного побудем с папой? – широко улыбнувшись спросила Саншуо.

Огоньки счастья, мерцающие в ее глазах, успокаивали и дарили тепло, и Кагеро невольно улыбнулась дочери в ответ.

– Мы не будем шуметь, – поддержал сестру Цуру. – Просто посидим, как он сидел рядом, когда мы заболели и нам было очень плохо...

О чем говорили близнецы, Кагеро помнила – несколько месяцев назад она и Ооками металась между горевшими в лихорадке детьми, следили за их дыханием и поддерживали исцеляющие заклинания.

– Конечно... – она сглотнула наворачнувшиеся слезы и постаралась продолжать улыбаться как можно естественнее. – Думаю, папе будет приятно, если вы расскажете ему, как прошел вчерашний день!

Кагеро подвела детей к кровати Ооками, удостоверилась, что большинство еще не до конца заживших ран скрыто под одеялом, и отошла к стене. Однако даже вид испещренной шрамами руки испугал Саншуо.

– Мамочка, но зачем кто-то сделал папе так больно? – тревожно спросила она.

Желая поддержать отца, Саншуо обняла его за руку, как вдруг заметила незаживающие ранки. Нерешительно дотронулась до них и охнула, когда тяжелая расслабленная ладонь Ооками окутала ее пальцы, сжавшиеся от испуга в кулачок. Кагеро, рассеянно наблюдавшая за действиями дочери, сглотнула появившийся в горле ком.

– Не знаю, солнышко... пока не знаю... Но поверь мне, безнаказанным я это не оставлю!

Такой ответ Саншуо устроил, она кивнула и снова обернулась к отцу. Заметив, что вид Ооками без сознания пугает детей, Кагеро мягко подтолкнула их к выходу из комнаты.

– Лекарь обещал, что папа скоро поправится, – сказала она им. – Поэтому вы можете поиграть у озера, пока мы не вернулись обратно домой.

Удостоверившись, что Саншуо и Цуру присоединились к Юми, Кагеро продолжила свой путь в поисках хозяев дома и завтрака. Она понимала, что вчерашний разговор будет иметь последствия, и не знала, как встретят ее друзья. Ей показалось, что она слышит знакомые голоса, и Кагеро поторопилась войти в столовую: увидев сидящих на подушках Итачи и Кицуне, она удивилась, но лишь коротко кивнула Торе и Асунаро, которые внимательно следили за ней.

– Как Ооками? – после приветствия спросила Кицуне. – Тора и Асунаро нам все рассказали. Это ужасно... Ты, надеюсь, передохнула ночью?

²⁴ Куротачи – сын Повелителя Хидари, которого Кагеро убила, отомстив за убийства родных (см. роман «Плывущие облака»)

– Ооками без изменений, но раны затягиваются хорошо... Я в порядке, не беспокойся...

Она кинула быстрый взгляд на Тору, но та никак не прокомментировала эти слова. Однако протянула подруге пиалу с рисом и велела принести еще один чайный прибор. Завтрак продолжался в молчании, которое никто из присутствующих не решался нарушить: Тора не рассказала Итачи и Кицуне о вчерашней перепалке с Кагеро, и те не понимали, отчего между хозяевами дома и княгиней повисло напряжение.

– Вам что-то удалось узнать во дворце? – первой нарушила тишину Кагеро, обращаясь к Асунаро, но тот лишь покачал головой. – А что говорят стражники, которые охраняли Ооками на Хидари? Я знаю, за ним постоянно ходили двое воинов в черном. Для чего вообще тогда охрана была нужна? Это же нападение на представителя Сейто! Совет Магов знает?

– Да, – в голосе Асунаро послышалась горечь. – Я был на Сейто вчера, принес официальные заверения от Повелителя, что это ни в коем случае не объявление войны, попросил до окончания расследования не делать поспешных выводов. Вы правы в своих упреках, Кагеро, за Ооками должны были лучше следить. По словам охранников, он открыл портал до Сейто и исчез в нем, как каждый раз после заседания Совета. Боюсь, нам придется ждать, пока Ооками очнется. Я вчера проверил всех, с кем он разговаривал во время пребывания на Хидари: ни у одного из них не могло быть ни мотивов, ни возможностей. Поэтому только он сам может ответить на все вопросы. Нам остается ждать.

Принимая такое объяснение, Кагеро коротко кивнула и перевела взгляд на Тору – из головы не выходил утренний разговор с детьми у кровати Ооками, ей надо было развеять свои подозрения.

– По поводу ран на пальцах... Я тут подумала...

Кагеро оборвала себя на полуслове, наклонилась к столу, взяла из корзины с фруктами яблоко – по размеру почти такое же, как и детский кулачок, – и принялась обваливать его в тарелочке с сахарной пудрой, что осталась от сладостей. Когда же оно стало белым, перекинула через стол Торе: она ловко поймала его рукой и посмотрела на свои пальцы.

– А знаешь... ты права... – переводя взгляд с яблока на подругу, произнесла Тора, поняв идею Кагеро и без слов.

Итачи никогда не любил загадки и недомолвки и первым решил потребовать объяснений от женщин.

– И что все это значит?! – воскликнул он и подался вперед, пытаясь разглядеть оставшиеся фрукты, будто ответ был в них.

Тора, не произнося ни слова, положила яблоко на свою тарелку и протянула испачканную пудрой руку ладонью от себя: не только центр, но и подушечки всех пальцев были выделены отметинами в тех же самых местах, что и разрезы на пальцах Ооками.

– Это значит только то, – прокомментировала свои действия Тора, – что Ооками касался правой рукой какого-то артефакта. Добровольно или по принуждению. К тому же этот предмет, с одной стороны, достаточно большой, чтобы взять его всеми пальцами, но с другой – мал, так какхватило руки. И те, кто похитил брата, нанесли порезы для сокрытия этого факта.

Асунаро на мгновение задумался, анализируя сказанные женой слова.

– Да, – подтвердил он, – похоже, кровью они смыли все, что хоть как-то могло подсказать нам характер предмета, которого касались пальцы Ооками. Они резали простым ножом, а никаким не амулетом! А вот магия той вещи не позволяет ранам так быстро затянуться.

– И что нам это дает? – Итачи не убедило столь запутанное объяснение. – Что это был за амулет, мы же не узнаем. Может, они его им как-то изощренно пытали, а потом... прости, Кагеро... – он осекся, заметив, как стекленеют глаза тещи, – ну... потом решили это скрыть...

Фыркнув в ответ, Кагеро ничего не произнесла вслух – как и обычно, когда Итачи начал слишком много болтать.

– Все может быть, – задумчиво протянула Тора. – Но, по крайней мере, теперь мы знаем, что это за раны и почему их нанесли.

Покончив со своим завтраком, Асунаро поднялся на ноги и коротко поклонился гостям:

– Я во дворец. Ненадолго, но на собрании у Повелителя мне надо быть. Он ждет отчета о визите на Сейто, к тому же расследованием нападения занимается глава его личной охраны. Возможно, появилась новая информация.

Асунаро уже почти вышел из столовой, как его нагнал голос Кагеро:

– Советник, я могу получить обратно свой меч?

Она поднялась на ноги и сделала несколько шагов в его направлении. И в то же время Итачи аж подскочил на подушках:

– Точно! Меч! То-то же я все утро голову ломаю, что с тобой не так!

Ответом ему был короткий уничижительный взгляд. Не удостоив зятя своим вниманием, она вопросительно посмотрела на нахмурившегося Асунаро.

– Зачем вам меч? В моем доме достаточно стражников, которые могут защитить вас от нападения во время моего отсутствия. Или вы собрались отправиться со мной и вырезать всех палачей Повелителя?

– Это – предложение? – в ее глазах сверкнула искра мести. – Сколько их? Десять? Двадцать?

– Тринадцать. Но, боюсь, Повелитель заставит выдворить вас на Сейто после первого же убийства. – В ответ Кагеро лишь фыркнула. – Я серьезно. Могу сделать это прямо сейчас, если увижу, что вы собираетесь действовать без согласования со мной.

Асунаро демонстративно положил руку на цубу²⁵, в которую был инкрустирован один из семейных амулетов, вопросительно посмотрел на максимально собранную и хладнокровную Кагеро и понял, что от вчерашней истерики действительно не осталось и следа.

– Я не намерена перерезать себе горло или как-то иначе способствовать скорейшему посещению покоев Повелителя душ, если это вы хотели услышать!

Она решила не терять время на дальнейшие уловки, а прямо вернуться ко вчерашнему разговору. Асунаро и Тора обменялись короткими взглядами.

– Вам нужна клятва на крови, советник? – резко бросила Кагеро, видя, что тот с ответом не спешит.

Скептически настроенная Тора возвела глаза к небу, а Асунаро тяжело вздохнул и примирительно выставил вперед руку.

– Я рад видеть, что вы снова в нормальном состоянии, Кагеро Нии-ши. Меч в моем кабинете...

Когда Асунаро и Кагеро вышли, Итачи пробормотал:

– Теперь понятно, зачем он меня позвал...

²⁵ Цуба – гарда, часть катаны

Глава 4. Странные сны

Еще несколько дней пролетели в угнетающем бездействии. Появившийся на третий день после первого визита лекарь подтвердил: состояние Ооками стабильное и не пройдет и четырех-пяти дней, как он очнется. Асунаро продолжал искать возможных исполнителей среди людей, владеющих искусством пыток, но результата не было. Итачи вместе с Торой приглядывали за Кагеро, которая изнывала от невозможности активных действий: теперь она не проводила весь день у кровати Ооками, а старалась с катаной в руках выплеснуть свою ярость на заднем дворе.

Большую часть дня Кагеро занималась с Юми, которому предстояло скоро начать обучение владению мечом с мастерами Хидари. Рядом с ними Саншуо и Цуру с боккенами²⁶ в руках повторяли выученные дома каты²⁷, а Шика, не любившая такое времяпровождение, возилась с малышкой Ясумин.

Когда дети уставали, Кагеро отпускала их передохнуть и поиграть под присмотром Кицуне, сама же отправлялась навестить мужа. Асунаро по ее просьбе перенес с Сейто сундук с вещами – слуги собрали несколько комплектов одежды, управляющий передал внушительную стопку счетов, договоров и отчетов. Работать в кабинете, сидя за высоким столом, Кагеро отказалась и, устроившись в сейдза рядом с кроватью Ооками, разбирала свои и его бумаги, отвечала на письма, которые требовали особого и незамедлительного внимания. А в перерывах наблюдала за ровным, едва заметным дыханием мужа. Надеялась – вдруг он откроет глаза именно сейчас. Но особых изменений в состоянии Ооками не было, и Кагеро заставляла себя вернуться обратно к работе. Не до конца перестроившись на местное время, она ложилась рано, а вставала с первыми лучами солнца и, пока все спали, рассекала прохладный утренний воздух клинком.

На четвертую ночь Кагеро проснулась до рассвета от странного и непонятного кошмара: раньше дети никогда не появлялись во снах. Ничего плохого с ними не происходило, видения были размытыми, скорее эмоциональными, но выжигающее душу опустошение, которое она обычно чувствовала после тяжелых ночей, было тем же. Решив, что отдохнула достаточно, Кагеро встала, привычным движением взяла катану и отправилась на задний двор. На галерее в памяти снова возникли образы из сна, и она решила удостовериться, что с детьми все в порядке. Цуру и Саншуо мирно спали в кроватках, подтверждая, что эти видения – лишь тягостные последствия очередного ночного кошмара. Тихо выйдя из детской, Кагеро спустилась во двор и, повернувшись лицом к востоку, начала выполнять ставшие привычными за долгие годы каты.

Но в эту ночь не спалось не только Кагеро.

– С какого времени тебя мучает бессонница, дорогой братец? – спросила она, разворачиваясь и нанося очередной удар мечом, со свистом рассекая воздух.

– До сего дня не жаловался, – пробурчал Итачи, с тяжелым вздохом опускаясь на скамью, и небрежно махнул рукой в сторону. – Ай, ерунда какая-то приснилась! Глянул, как там Шика, и решил составить тебе компанию. Не возражаешь?

Кагеро безразлично пожала плечами и продолжила упражнения, время от времени при разворотах кидая взгляд на сгорбившегося полусонного Итачи, который сидел, оперев локти в колени и запустив пальцы в растрепанные волосы.

– Хочешь присоединиться? – спросила она, закончив очередную кату.

²⁶ боккен – деревянный меч

²⁷ ката – набор последовательных упражнений

Итачи не всегда носил в доме Асунаро катану, но в этот раз его меч был заткнут за оби²⁸.
– Нет, спасибо...

Он выпрямился и подставил лицо первым лучам восходящего солнца. Прикрыв глаза, он смотрел вдаль, наблюдая одновременно и за Кагеро, и за розовеющим небом.

– Правда, учитывая сложившуюся ситуацию... – Итачи лениво потянулся и напомнил Кагеро этим движением о своей звериной сущности. – Наверное, надо бы улучшить свою физическую форму. Но прямо сейчас... я способен лишь... – он на мгновение задумался, чтобы подобрать нужное слово, – созерцать...

Не удержавшись, Кагеро усмехнулась, покачала головой и продолжила заниматься сама – уже не первый раз попытки внушить зятю необходимость больше внимания уделять тренировкам терпели неудачу. Однако не прошло много времени, как Кагеро поняла, что к ним присоединился еще один собеседник. Не прерывая своего занятия, она негромко произнесла:

– Не спится, советник?

– И вам доброе утро, Кагеро...

Хмурый Асунаро кивнул встрепенувшемуся Итачи и сел рядом на скамью.

– Приснилась какая-то ерунда, – ответил он, рассеянно наблюдая за четкими и резкими движениями княгини. – Заглянул к детям, потом увидел через окно, что вы тут сидите. Все равно уже не засну...

Кагеро замерла с мечом на вытянутой руке.

– А часто ли у вас появляется желание среди ночи провести детей? – спросила она, медленно поворачиваясь к сидящим друзьям.

– Да нет, только этой ночью кошмар приснился...

Итачи и Кагеро тревожно переглянулись: слова Асунаро один в один повторяли ранее произнесенное Итачи.

– Что вы оба на меня так смотрите?! – он резко дернулся и уточнил: – Я сказал что-то не то?

Нахмурившись, Кагеро медленно заложила катану в ножны и подошла ближе.

– Если окажется, что нам троим снилось одно и то же, тогда я, советник, задам вопрос, накладывали ли вы на свое поместье какие-либо охранные заклинания от ментального проникновения извне...

Взгляд Асунаро из удивленного стал настороженным. Никто не спешил рассказывать о своих снах, пока нетерпеливый Итачи не нарушил тревожную тишину.

– Ты сюда первая пришла, тебе и начинать, – обратился он к Кагеро.

– Цуру, Саншуо и... Кицуне, – нехотя ответила она и вопросительно посмотрела на Итачи.

– Шика.

– Юми и Ясумин.

– И горы... – после недолгой паузы добавила Кагеро. – Высокая цепь, запорошенные снегом вершины...

– Несколько пещер недалеко от земли... – продолжил Итачи.

В конюшнях за домом стали просыпаться лошади, и их ржание, казалось, заполонило все вокруг. Асунаро явно колебался – рассказывать друзьям все до конца или же промолчать. Ни Кагеро, ни Итачи ничего добавить к своим словам больше не могли: эмоциональные всплески, хаотичные видения описать было практически невозможно.

– Я знаю это место, – наконец признался Асунаро. – Доводилось пару раз проезжать мимо...

Кагеро с негодованием фыркнула и кинула на него саркастический взгляд:

²⁸ оби – широкий плотный пояс

– И как, советник, у вас с заклинаниями?

– Невозможно предусмотреть все! – попытался оправдаться хозяин дома. – Охранные, конечно же, есть. Но амулеты, оказывающие такое воздействие, настолько редки, что я не защитил от них поместье. К тому же противостоять им весьма непросто – я политик, а не разбирающийся во всех тонкостях маг! Да и заклинания подобного рода требуют определенных навыков влияния на психику человека.

– У палача такой опыт есть?

– Да, Кагеро, есть... – вздохнул Асунаро. – Может быть, по крайней мере...

Столь расплывчатый ответ не устроил Кагеро, и она нетерпеливо уточнила:

– А это не сузит наш круг поисков? Много ли магов владеет такими амулетами?

Нахмурившись, Асунаро покачал головой и поднялся на ноги – пререкаться с Кагеро, смотря на нее снизу вверх, было тяжело вдвойне. Отвечать он не спешил, вспоминая и анализируя имеющиеся знания, и Кагеро оставалось молча ждать – она прекрасно понимала, что в вопросе магии Хидари ничем помочь советнику не может. Тяжело вздохнув еще раз и не найдя ответов, Асунаро пояснил свою неосведомленность:

– Обычно о таких амулетах предпочитают помалкивать. Их передают из рук в руки, не оглашая факт обладания. Утром я наведаюсь во дворец, попытаюсь что-либо разузнать о специалистах ментального давления, хотя не думаю, что это даст результат. Такое нападение на жилище советника Высшего совета считается изменой, и тот, кто это сделал, – когда мы его найдем – будет отправлен к дворцовым палачам. А если учесть похищение Ооками, то вы можете быть уверены, живым он оттуда не выйдет. Думаю, это ему прекрасно известно, и выманить его из норы будет нелегко. Но прежде чем отправляться в горы, надо увезти из поместья детей – здесь становится слишком опасно.

– На Сейто? – Кагеро кивнула, принимая такой ответ на свой вопрос.

Она не собиралась в этот момент оспаривать право перерезать истязателю Ооками горло собственноручно, но приняла к сведению решение советника расправиться с палачом иначе.

– Нет, я подумал об Игуру-су. Я могу укрепить дом в горах заклинаниями на крови, к тому же сами окрестности имеют определенную магическую защиту – не даром я вас тогда отправил в этот поселок! Туда невозможно пробраться чужаку, как бы силен он ни был. Эти земли всегда принадлежали нашему клану, и магия позаботится о наследнике рода и остальных детях.

– А мы втроем останемся в Уките разбираться с горами? – спросил вскочивший на ноги Итачи – он уже окончательно проснулся и больше спокойно на одном месте сидеть не мог.

Сначала Итачи думал, что опасность грозит только Шике, но если заклинание касалось детей всех троих, то под удар попадала и его жена.

– Да. Ооками, пока он не придет в себя, нельзя проводить через порталы. Так что кто-то все равно должен остаться. Я могу переносить вас между поместьями, когда вы решите навестить детей, но сначала надо разобраться с этими пещерами.

– Хорошо, – еще раз кивнула Кагеро, соглашаясь с таким решением: – Днем перевезем всех в Игуру-су, а завтра же – в горы!

За обсуждениями планов они не заметили, как к беседе присоединился еще один участник.

– Неужели вы не понимаете, что это ловушка?!

Ни Кагеро, ни Итачи никогда не видели Тору настолько возмущенной.

– Тора! – Асунаро стремительно пересек расстояние, отделявшее его от жены. – Только не говори, что и тебе тоже снятся кошмары!

– Нет! – все так же разгневанно ответила она. – Кошмары мне не снятся! Но когда я просыпаюсь среди ночи, обнаруживаю отсутствие мужа и нахожу его обсуждающим совершенно безумные планы, то я уже и не знаю, о чем мне думать!

Вспомнить, когда они так ругались последний раз, Асунаро не мог. В глазах Тора пылала та же решительность, что и в дни, когда она работала на него. Когда творила совершенно безумные и опасные вещи, чтобы его защитить. Понимая, что спорить с женой и в этот раз будет нелегко, Асунаро попытался увести ее от темы разговора:

– И как давно ты тут стоишь?

– Я слышала, что вам троим снится одно и то же, и не позволю добровольно пойти в руки врага. Я вовсе не хочу, чтобы тебя так же мучили, как брата!

На глазах против ее воли показались слезы, и она отвернулась, чтобы украдкой смахнуть их краем рукава.

– Тора, – Асунаро попытался обнять жену, но она живо отскочила в сторону. – Никто меня мучить не будет, мы просто пойдем и посмотрим, что в этих горах такого, мы не просто так увидели их во сне! Пойми, милая, это заклятие, и мы не сможем избавиться от него, пока не увидим горы своими глазами. Нас будет манить туда, и чем больше сопротивляться, тем навязчивей станет мысль посетить это место!

От негодования и переполнявших эмоций, Тора топнула ногой и воскликнула:

– Неужели магия отбила у вас способность соображать?! Там будет ждать толпа вооруженных воинов, а вы пойдете туда втроем! Я же знаю, что вы никого не возьмете с собой. Даже если там будет только один этот безумный палач! Он же перережет вас всех!

– Я открою портал, и мы пройдем туда. Если нас будут ждать, мы в тот же момент вернемся.

Но это не успокоило, а наоборот, еще больше рассердило Тору:

– Вместо своих планов вы не хотели подумать, почему это снится именно вам троим? Не мне, не Кицуне, не детям... Если бы это касалось Ооками, то при чем тут Асунаро и Итачи? А если Асунаро, то какой смысл мучить вас троих?

– Куротачи и Незуми²⁹?.. – пробормотал Итачи. – Только против них мы были вместе...

В повисшей тишине стали слышны доносившиеся с озера голоса проснувшихся птиц.

– Незуми... – выдохнула имя своего врага Кагеро. – Мне сказали, он умер два года назад: был обвал в рудниках, куда его сослали, и всех погребло в пещере. Асунаро, скажите, у Куротачи были наследники, которые могут попытаться мне отомстить?

Асунаро на мгновение задумался, перебирая имена внуков Повелителя. После Поединка чести родственники проигравшей стороны официального права на месть не имели, но это не мешало им желать расправиться с победителем исподтишка.

– Нет, – покачал он головой. – Наследников у него нет.

Это утверждение не принесло облегчения: каждое новое событие не помогало, а осложняло и без того непростую ситуацию. Кагеро хотелось верить, что имя Незуми осталось навсегда в прошлом, но она не могла быть уверена в этом, так как не перерезала ему горло собственноручно, как изначально собиралась.

– Тогда это может быть связано с чем угодно... У вас много врагов?

– Достаточно, но ни один из них не стал бы пытаться моего зятя, который понятия не имеет о моих делах. Если заговор был бы направлен против меня, то они бы схватили моих помощников или же меня самого.

Дрожащая то ли от утренней прохлады, то ли от переживаний Тора наконец позволила себя обнять и, похоже, отчасти смирилась с их решением. Асунаро коротко коснулся губами ее виска, словно извиняясь за предыдущий спор, и крепче прижал к себе.

– Значит, нам надо только собрать вещи и решить, кто остается, – подытожил разговор Итачи. – Если это хоть как-то связано с Куротачи, то Кицуне тоже может оказаться в опасности. Она заодно и присмотрит за нашими шалопаями. Я остаюсь, но был бы признателен, –

²⁹ Незуми – дядя Кагеро, по приказу которого Куротачи убивал других родственников

обратился он к Асунаро, – если бы ты меня сначала перебросил на Сейто. Мне надо буквально полчаса.

– И меня, – добавила Кагеро. – Хотя мне может понадобится несколько больше. Я не знаю, какие бумаги пришли Ооками из Совета.

– Хорошо, тогда собирайтесь. На Сейто как раз вечер, вы не явитесь домой среди ночи. В полдень я забираю вас обратно, и мы переселяем детей в Игуру-су. А после обеда будем готовиться к походу. Думаю, не помешает размяться, кто знает, что нас ждет. Это вы, Кагеро Нии-ши, постоянно практикуетесь по утрам, мой же меч не так часто рассекает воздух Хидари.

– Надеюсь, вы не собираетесь и меня отправить в Игуру-су? – сердито спросила Тора. – За вами надо присматривать не меньше, чем за детьми. Вы трое столько способны натворить! К тому же кто-то должен остаться с Ооками, если вы действительно пойдете к этим проклятым горам.

Асунаро беспомощно посмотрел на Кагеро и Итачи: княгиня кивнула в ответ, а друг пожал плечами, поэтому ему ничего не оставалось как вздохнуть и произнести:

– Хорошо... но если тебе что-то покажется или приснится, то, пожалуйста, расскажи мне об этом.

– Я уже сказала: вас там ждет ловушка, но мои слова остались неслышанными!

Спорить или ругаться желания у нее уже не было, но менять свое отношение к плану друзей Тора не собиралась.

– Милая, пойдем в библиотеку, – Асунаро приобнял жену за талию и подтолкнул к дому. – Я покажу книгу, где все написано об этом заклинании. Может, это хоть как-то успокоит тебя?

– Нет! – фыркнула Тора в ответ. – Меня успокоит только ваш отказ туда идти. Но так как вы все равно поедете, о моем состоянии можешь не беспокоиться!

Глава 5. Нападение на Кагеро

Дети восприняли поездку в горы с большим воодушевлением. Им уже наскучило делать каты или играть во дворе у озера, а новая местность, неисследованные горы, пещеры и совсем иной лес просто манили к себе! То, что за ними должна была присматривать Кицуне, их не беспокоило: Цуру и Саншуо знали, как убежать от старшей сестры так, чтобы та не волновалась и не слишком ругалась на них. Правда, теперь с ними постоянно была малышка Ясумин, и далеко уйти они не могли. Кицуне ничего не заподозрила в этом путешествии, только просила почаще навещать ее и помогать приглядывать за детьми. Кагеро и Итачи быстро справились с делами, и после полудня вся компания перенеслась в Игуру-су. Как только спала жара, взрослые вернулись в поместье, и, пока Тора занималась домашними делами, трое воинов готовились к предстоящему походу на заднем дворе.

Вышли они рано утром. Навьючили лошадей и отошли немного от ворот, чтобы беспрепятственно открыть портал. Переживающая и не находящая от тревоги места Тора со слезами на глазах проводила их в путь и осталась в беседке в парке, надеясь, что муж и друзья скоро вернуться.

Вопреки предсказаниям Торы, по ту сторону портала их никто не ждал. Асунаро из соображений безопасности открыл его не у самого подножья гор, а немного на расстоянии, поэтому лошади были очень кстати. Они пустили их галопом и менее чем за десять минут достигли подножья той самой горы, которую видели во снах. Спешившись и стреножив лошадей, они забрались на площадку, открывающую доступ в пещеры, и прислушались, а Асунаро с помощью амулета выпустил поисковую волну.

– Похоже, там нет ни людей, ни животных, – сообщил он друзьям результаты проверки. – Там два ответвления. Мы можем разделиться и быстро осмотреть оба лаза.

– Вы идите вдвоем в правую часть, я – в левую, – сказала Кагеро, кладя руку на рукоятку меча.

Но Итачи, не соглашаясь, покачал головой и пробормотал:

– Не самое лучшее решение...

– Ты с магом не справишься, – возразила Кагеро, – а вдвоем с Асунаро вы его силу, считай, делите пополам. Меня защитит катана Нии-ши.

Мужчины недовольно переглянулись, но все же согласились с доводами Кагеро. Кивнув им, она вошла в левый коридор: сначала пришлось пригнуться, настолько низко был потолок, но через несколько шагов Кагеро попала в более узкий, но уже высокий проход. Долго ей идти не пришлось, она проскользнула в большой и просторный зал, свет в который попадал из нескольких отверстий почти у самого потолка. Темно в пещере не было, скорее царил полумрак. Когда Кагеро стала осматривать стены, ей почудилось свечение у одной из них, и, подойдя ближе, княгиня решила исследовать ее. Внезапно послышались шаги, и обернувшись, она увидела входящего в пещеру Асунаро.

– Тут что-то есть, мне так кажется... – кинула она через плечо, продолжая искать глазами источник света. – Вы не глянете?

То, что произошло дальше, Кагеро не смогла ни предугадать, ни предотвратить: Асунаро в несколько шагов пересек пещеру, заломил ей правую руку и с такой силой вдавил в стену, что она рассекла себе щеку об острый выступ камня. Следующим движением Асунаро ослабил хватку, вытащил катану у нее из-за пояса и откинул за спину. Затем припечатал во второй раз, навалившись всем телом, не давая никакой возможности пошевелиться.

– Что ж... Кагеро... – прошептал он ей на ухо, – посмотрим, на что ты способна еще...

Свободной рукой он недвусмысленно провел по ее бедрам, а затем дернул верхнее кейоги³⁰ так, что оно затрещало по швам...

Первая мысль Кагеро была о том, что Итачи мертв и она может рассчитывать только на свои силы. Намерения Асунаро выглядели недвусмысленно, и Кагеро поняла, что ей придется пустить в ход всё свое мастерство, чтобы хотя бы добраться до меча.

Притворившись, что теряет сознание, она обмякла в руках нападавшего, тем самым заставив его ослабить хватку. Этого оказалось более чем достаточно, чтобы высвободить зажатую между грудью и стеной стертую до крови левую руку, молниеносно поднести к голове и выдернуть из прически две острые шпильки, которыми она всегда закалывала волосы, идя в бой. И наугад всадила их почти на всю длину в тело Асунаро. Тот заорал от боли и выпустил ее руку из захвата. Кагеро мигом отскочила от стены и скинула мешающие обрывки кейоги. Изрыгая проклятья, Асунаро вытащил из бедра шпильки и попытался отрезать Кагеро путь к мечу. Его глаза застилала кровавая пелена, и Кагеро поняла, что теперь он просто свернет ей шею, если доберется. То, что он одержим каким-то заклинанием, было очевидным, поэтому она не стала тратить время на разговоры, а понадеялась, что сможет обездвигить его.

Оценив расстояние до катаны, она медленно двинулась вдоль стены. Асунаро наблюдал за каждым ее движением, как тигр, готовящийся в любой момент броситься на свою жертву. Внезапно Кагеро услышала топот. Ей оставались считанные секунды, чтобы добраться до меча. Сгруппировавшись в кувирке, она пролетела под рукой Асунаро, считая ребрами выступы на неровном каменном полу. Противник не ожидал такого хода и рванулся следом. Кагеро моментально вскочила на ноги, откинула с лица мешавшие видеть разметавшиеся волосы и дернулась к мечу. Асунаро решил перехватить жертву во что бы то ни стало, бросился за ней, прыгнул, когда Кагеро уже почти дотянулась до катаны, и, падая, вцепился в ее лодыжку и дернул на себя.

Кагеро сумела выставить руку, чтобы смягчить падение, перекатилась на другой бок, гася инерцию, и изо всей силы ударила Асунаро пяткой в висок. Его голова дернулась, и он, теряя сознание, ослабил хватку. Этого было достаточно, чтобы схватить катану, вскочить, обнажить клинок и приставить кончик лезвия к шее бесчувственного Асунаро.

Переводя дыхание, Кагеро вспомнила о том, что слышала шаги. Растрепанные волосы полностью закрывали лицо, она откинула их и посмотрела на вошедших. Меч чуть не выпал из пальцев, когда она увидела с ужасом смотрящих на нее Итачи и.. другого Асунаро. Итачи пришел в себя первым, выхватил катану из ножен и приставил к горлу спутника. Тот не пошевелился.

– Не глупи, – бросил он, не сводя глаз с Кагеро. – У меня все родовые амулеты. Ты сам видел, как я ими пользовался.

Итачи счел доводы разумными и меч убрал. Кагеро же, глядя Асунаро прямо в глаза, сделала короткое резкое движение запястьем и отсекла лже-Асунаро голову. Настоящий судорожно сглотнул, но не произнес ни слова. Смахнув кровь с меча, Кагеро выпрямилась. Оправила на себе сползающее, местами разодранное и пропитанное кровью ги³¹. Подняла отброшенную саю, вложила меч и закрепила за поясом. Затем, сопровождаемая взглядами ошарашенных друзей, подошла к стене, у которой валялись окровавленные шпильки и разодранное кейоги, подняла их, стерла кровь и заколола мешающие волосы.

³⁰ Кейоги – верхняя рубашка

³¹ Ги – нижняя рубашка, которую надевают под кейоги

– Что он хотел от тебя? – наконец спросил Итачи, осторожно подходя к обезглавленному телу.

Зло сверкнув глазами, Кагеро швырнула в него скомканным кейоги.

– Догадайся сам, – это были первые и единственные ее слова с момента нападения.

К Асунаро наконец вернулся дар речи, и он сделал несколько шагов вперед:

– Кагеро, – мягко обратился он к княгине. – Я...

Звук этого голоса заставил Кагеро вспомнить и сказанные двойником слова, и саму ситуацию, в которую попала по собственной неосторожности. Правая рука легла на рукоятку катаны, и она процедила сквозь зубы, пытаясь успокоить инстинкт самосохранения:

– Не подходите ко мне, советник...

– Простите, – он склонил голову и отступил, давая ей возможность покинуть пещеру.

Кагеро быстро миновала длинные коридоры и вышла на свежий воздух. Убедившись в отсутствии опасности, она прислонилась спиной к скале и прикрыла глаза, чувствуя, как ее начинает колотить нервная дрожь.

Тем временем в пещере Асунаро присел рядом со своим двойником и провел рукой над его телом.

– Хороший набор амулетов, – покачал он головой и встал. – Через полчаса-час чары сойдут. Берем его с собой.

– Полагаю, Кагеро это уже не понадобится, – сказал Итачи, заворачивая голову в кейоги, которое держал в руках.

Асунаро и Итачи подняли тело и потащили из пещеры. При их появлении Кагеро не пошевелилась, казалось, она превратилась в каменную статую, только ветер трепал выбившиеся из прически пряди. Пока Асунаро заворачивал тело в походный плед и приторачивал голову к седлу, Итачи вернулся к Кагеро и сделал попытку привести в чувство:

– Кагеро, пойдём, я помогу тебе спуститься... лошади уже ждут, Асунаро откроет портал прямо отсюда.

Только по дрогнувшим ресницам было понятно, что Кагеро услышала его слова. Прогноировав помощь Итачи, она спрыгнула на тропинку и двинулась к лошади, не отводя правой руки от катаны. Асунаро благоразумно предпочитал держаться подальше и не заговаривал с ней. Молча открыл портал и стал ждать, пока Кагеро, вцепившаяся в уздечку так, что побелели костяшки пальцев, покинет негостеприимный горный район. После того как за ней последовал Итачи, перешел и сам.

От портала до ворот было всего несколько шагов, и они быстро оказались во дворе дома. Обрадованная Тора сразу же выбежала им навстречу – издали было видно, что возвратились все, но не то, в каком они были состоянии. Коротко и крепко обняв Асунаро, она обернулась к подруге и пораженно замерла: в измятой, разодранной одежде, с расцарапанным лицом и кровоточащими руками Кагеро стояла, вцепившись в повод, с остекленевшим взглядом и, казалось, смотрела в никуда.

Убедившись, что с Асунаро и Итачи все в порядке, Тора набросилась на них:

– Что произошло?! Мало ей было переживать за Ооками?!

– Тот, кто на нее напал, находится вон там, – Асунаро кивнул в сторону своей лошади, а затем положил руки плечи жене и, смотря в глаза, серьезно продолжил: – Тора, я прошу тебя, сделай все возможное и невозможное, но ей надо прийти в себя. Тебя она, может, послушает, но сегодня ночью Кагеро должна спать, а не разгуливать по дому с катаной в руке!

– Хорошо, но мы еще не договорили... – негодуяще фыркнула Тора и повернулась к Кагеро, которая, хоть и стояла всего в нескольких шагах, но, казалось, не слышала ни слова. – Пойдем, я обработаю твою царапину на щеке...

Она ласково обняла подругу за плечи и настойчиво потянула в сторону дома, но Кагеро не пошевелилась. Тяжело вздохнув, Тора кинула еще один гневный взгляд на внимательно

наблюдающих за ее действиями друзей и сделала попытку высвободить из пальцев Кагеро уздечку. Когда ей это удалось, она снова подтолкнула подругу к дому, шепча успокаивающие слова.

Кагеро позволила увести себя в комнату, соседнюю с той, где лежал Ооками, усадить на подушки и обработать рану на щеке. Так и не произнеся ни слова, она позволила Торе снять перепачканное кровью и грязью ги. Увидев, во что превратилась спина подруги после кувырков по неровному полу пещеры, Тора ахнула и выбежала за травами и мазями от синяков и кровоподтеков. А вернувшись в комнату, нашла Кагеро в той же позе и с таким же выражением лица. Понимая, что спрашивать что-либо – бесполезно, Тора быстро обработала все раны и синяки, а затем чуть ли не силой напоила Кагеро снотворным, которое подействовало почти сразу – она еле успела подхватить обмякшее тело и уложила на подушки так, чтобы не потревожить израненную спину. Убедившись, что измученная подруга крепко спит, Тора, кипя от возмущения, отправилась на поиски мужа.

Как только женщины скрылись в доме, Асунаро подозвал стражников, чтобы те перетащили тело с лошади в пустующее подсобное помещение. Голову они с Итачи предусмотрительно перенесли туда сами и, убедившись, что остались одни, освободили тело от ткани.

– Разглядывать самого себя с отрубленной головой не особо приятное занятие... – сказал Асунаро, проводя амулетом над телом и ускоряя превращение.

– Интересно, убила бы она его, не зная, что он не настоящий? – задумчиво произнес Итачи, присаживаясь на пустой ящик.

– Если честно, то я не хочу это знать, – слишком ровным голосом ответил Асунаро и отвернулся от тела. – Надо еще немного подождать, скоро чары спадут. Оставлять его без присмотра в таком виде чревато.

Они принялись молча ждать, время от времени поглядывая на труп, но слышались легкие шаги, и Асунаро не успел помешать Торе войти.

– Я не знаю, что с вами сделает Ооками, когда придет в себя! – набросилась она на мужа. – Ты знаешь, на что похожа ее спина?! А состояние, в котором...

В следующий момент Тора краем глаза увидела тело, лежащее на полу, и замерла. Переводя взгляд с мертвого Асунаро на живого и стоящего рядом, она прижала ладони ко рту и медленно стала отступать к стене.

– Он превращается, – вывел ее из ступора голос Итачи.

Находясь словно в трансе, Тора сглотнула появившийся в горле ком, на негнущихся ногах медленно подошла к Асунаро и коснулась рукой плеча, проверяя, не фантом ли перед ней. Убедившись, что он живой и настоящий, а тело на полу уже теряет черты мужа, Тора всхлипнула и судорожно обняла его. Усталый и вымотавшийся за столь богатый на события день Асунаро ничего не сказал, крепко прижал и мягко провел рукой по ее волосам и спине, пытаясь этим успокоить и жену, и себя.

Итачи присел на корточки рядом с преобразившимся мужчиной и присвистнул: заросший, коротковолосый, босой, в потрепанной одежде, которую носили простые жители Хидари, он теперь разительно отличался от советника Асунаро. Внимательно осмотрев тело, Итачи указал на грязную лодыжку, видную через разодранный край шаровар.

– А это что за знак? Смотри: одна горизонтальная черта, три вертикальных... Еще какие-то черточки... Похоже на старое клеймо...

Клеймо? Мгновенно пришедший в себя Асунаро оставил Тору, за несколько резких шагов пересек отделявшее его от тела расстояние и присел рядом. Разглядев рисунок, он нахмурился и, словно не веря тому, что говорит, воскликнул:

– Это же клеймо смертника! Такое ставят тем, кого приговорили к пожизненному заключению на рудниках. Человек с ним просто не может находиться на свободе!

На Сейто подобных наказаний не было, поэтому Итачи, поднимаясь на ноги, позволил себе скептически хмыкнуть:

– А что, с ваших рудников невозможно убежать?

– Пока никому не удавалось! А если бы удалось, то об этом было бы известно. Мне – уж точно! – Асунаро внимательно осмотрел одежду и запястья убитого в поисках каких-либо еще отметин. – Если бы я не видел это клеймо собственными глазами, то не поверил бы сказавшему, что он встретил приговоренного за пределами рудников!

– Еще одна загадка вдобавок к таинственному амулету и палачу... – пробормотала Тора, а в следующий момент вдруг поняла, что происходило в пещерах, и, повернувшись к мужу, воскликнула: – Так Кагеро думала, это *ты* напал на нее?

Когда Асунаро мрачно кивнул, она всплеснула руками и покачала головой, словно отказываясь верить в услышанное:

– Теперь мне понятно, почему она в таком состоянии! Я уложила ее, Кагеро проспит до утра.

Итачи скептически хмыкнул – он-то знал, что снотворное плохо действует на Кагеро, – но вслух ничего не сказал, понадеявшись, что на Хидари существуют другие, более эффективные травы и заклинания.

– Хорошо, – ответил Асунаро и не смог удержаться – снова обнял Тору. – Пойду переоденусь и наведаюсь на рудники. Мне очень хочется услышать объяснения начальника охраны по поводу этого клейма и того, как его обладатель смог выйти за ограждение. Думаю, что до вечера буду во дворце, постараюсь вернуться к ужину, но, если задержусь, меня не ждите.

Сосредоточенный и нахмурившийся Асунаро кивнул Итачи и вышел во двор отдать распоряжения стражникам, чтобы те забрали тело и сопровождали его на рудники.

Глава 6. Возвращение Ооками

Кагеро проснулась ближе к полудню и чувствовала себя совершенно разбитой. Она долго лежала, расслабившись на подушках, и концентрировалась на своем дыхании: так в голову не приходили видения и воспоминания прошлых лет. И вчерашнего дня.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Почувствовав себя чуть лучше, она попыталась подняться, но первое же резкое движение отозвалось иголочками боли в голове.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Медленно и осторожно она дошла до стены, затем, придерживаясь ее, – до двери и на галерею. Яркий солнечный свет и шум стали испытанием для зрения и слуха, поэтому ей снова пришлось остановиться.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Последние силы у нее ушли на то, чтобы спуститься по лестнице, дойти до столовой и упасть на подушки, аккуратно разложенные у стола. Молчаливые слуги, помнящие, что княгини не было за завтраком, быстро поставили и чайные принадлежности, и легкие закуски, чтобы она могла восстановить силы. Первые глотки горячего чая принесли облегчение ноющим мышцам спины и убрали озноб, однако не избавили от звона в ушах. Кагеро съежилась, спрятала лицо в ладонях и продолжала глубоко дышать, отгоняя голоса прошлых лет: если раньше во снах Ооками просто умирал, то теперь она в деталях видела как.

В таком виде Кагеро нашли обеспокоенные друзья, сначала не разглядев ее, полностью вжавшуюся в подушки, а затем ужаснувшись состоянию.

– Чем вы меня вчера опоили? – чуть слышно спросила она, найдя в себе силы заговорить.

– Кагеро, это было просто снотворное, – испуганно ответила Тора, опускаясь рядом. – Ничего больше...

Она никогда не видела такой реакции на свои снадобья: обычно они даруют крепкий восстанавливающий сон, а не усугубляют измученное состояние.

Кагеро ничего не ответила, только покачала снова опущенной на ладони головой.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

– Похоже, я стала терять форму... – она нашла силы горько усмехнуться. – Вчера я допустила целых две ошибки, и обе могли мне стоить жизни: повернулась спиной к человеку, которого считала другом, и выпила то, что мне дали, даже не спросив. С таким же успехом я могла выпить и яд...

– Кагеро, простите... – Асунаро, предусмотрительно державшийся на расстоянии, чувствовал себя неловко в такой ситуации, но она не дала договорить, жестом останавливая его.

– Советник, я прекрасно понимаю, что это были не вы. Мне просто надо еще немного времени, чтобы это осознать.

Разговор с друзьями изматывал: она не могла больше сдерживать воспоминания и те начинали брать над ней верх. Кагеро попыталась встать, но потерпела неудачу: в висках пульсировала кровь, и она измученно посмотрела на Итачи.

– Помогите мне, пожалуйста, подняться, – тихо проговорила она и протянула дрожащую слабую руку.

Итачи бережно удержал ее и хотел было проводить к выходу, но она сама выпустила руку и сделала несколько шагов в сторону внутреннего двора.

– Прошу вас, – она обернулась к Торе и Асунаро. – Не ищите меня сегодня. Я выйду из комнаты сама, когда мне станет немного легче. Сейчас я... не способна адекватно все воспринимать.

С этими словами она медленно удалилась, придерживаясь за стены и лестничные перила, оставив друзей в тягостном молчании, которое немного погодя прервал Итачи.

– Я знал, что ей нельзя было давать снотворное, – нехотя признался он. – Но она была вчера в таком шоке, что это казалось единственным разумным выходом.

– Почему нельзя? – спросила ошарашенная результатом своих действий Тора.

– Видишь, в каком она сегодня виде? Если бы снотворное помогало, Кагеро бы ночами не махала катаной на заднем дворе. Татемами рассказывал, что в таком состоянии – когда ей плохо физически – она не может контролировать воспоминания. А ей есть кого и что вспоминать: Саме, Кайри, свои потери и близких людей. Они приходят к ней, разговаривают и снова умирают на ее глазах. Пока Кагеро бодрствует, она так или иначе справляется. Но во сне это происходит как наяву, и, принимая снотворное, она не может проснуться и избавиться от кошмара: она вынуждена проживать эти воспоминания от счастливого начала до трагического конца.

Ошеломленная таким откровением и тем, что поспособствовала возвращению кошмаров подруги, Тора прижалась к молчавшему мужу в поисках поддержки, и тот обнял ее.

– Такое ощущение, – тихо проговорила она, справившись со своими переживаниями, – что этот палач сначала пытал тело Ооками, а потом переключился на Кагеро и добывает ее душу.

Асунаро крепче прижал жену к себе и ответил:

– Этот человек не мог знать, что она так отреагирует на его действия...

– Но нападение было именно на Кагеро, а не на нас! – возразил Итачи. – Разбойник был только один, и он точно знал, куда она направилась. Кроме того, он превратился в тебя, а не в того же Ооками или меня. Палач словно знал, чье нападение будет самым болезненным: если бы я на нее напал, она бы скрутила меня в два счета, а от внезапного появления еле живого еще утром мужа сразу бы заподозрила неладное.

– Что произошло между ними? Тем Асунаро и Кагеро? – Тора не хотела представить даже, как подруга отреагировала на нападение ее мужа.

Рассказывать о том, что казалось очевидным, ни один из них не хотел.

– Мы не знаем, – уклончиво ответил Асунаро. – Когда мы пришли, бой уже закончился, нападавший был без сознания, и Кагеро лишь оставалось добить врага. А после она не была особо разговорчива... Итачи, ее состояние – оно долго продлится? Надо бы обсудить дальнейшие планы.

Тот лишь пожал плечами – он только слышал рассказы Татемами, но сам никогда не видел ее в таком виде.

– Без понятия... Если не сегодня, будем надеяться, что завтра. Она знает, как справиться с этим... Просто ей надо время.

– Хорошо, тогда я возвращаюсь во дворец и потом на рудники. После моего вчерашнего визита там поднялся большой шум. Пытаются опознать человека, который напал на Кагеро, но пока безрезультатно.

Кагеро просидела весь день рядом с кроватью Ооками, погрузившись в медитацию, которая позволила ей уже к вечеру восстановить физические силы. Душевное состояние было не так стабильно, она сражалась с видениями и продолжала упрекать себя за непредусмотрительность: не могла смириться с тем, что инстинкты сработали не так, как следовало бы. Присутствие так и не пришедшего в себя мужа отгоняло воспоминания, но с самобичеванием, увы, бороться не помогало.

Когда сумерки окутали дом и его обитатели стали готовиться ко сну, Кагеро нашла в себе силы размять затекшие ноги: выскользнула на галерею, прислонилась к резной колонне и стала разглядывать полную луну, повисшую над противоположным крылом поместья. На галерее раздалися шаги – Асунаро возвращался в свою комнату, которая была в самом конце того же крыла. Почти поравнявшись с неподвижно стоящей женщиной, он негромко окликнул ее:

– Кагеро, как вы...

На этот раз инстинкты сработали даже с избытком: клинок со свистом вылетел из ножен, и через мгновение острый кончик катаны остановился в опасной близости от шеи Асунаро. Тот замер, смотря в пустые, ничего не выражающие глаза княгини. Все произошло за одно мгновение, практически бесшумно, никто из стражников, охраняющих ночной покой жильцов дома, не узнал об опасности, грозящей их господину. Однако этого шороха было достаточно, чтобы забеспокоилась Тора: она выглянула из спальни, чтобы посмотреть, что задержало мужа, и издала возглас изумления. Итачи, чья комната находилась ближе к центру поместья, услышал его и выскочил с мечом наголо, однако, увидев замерших в опасной ситуации друзей, остановился, спрятал клинок и принялся лихорадочно соображать, как оттащить тещу от хозяина дома.

Но ничего делать не пришлось: прошла еще пара ударов сердца, и Кагеро разжала пальцы, а катана, звонко стуча о каменный пол, покатила от своей хозяйки. Кагеро сникла, закрыла лицо руками и прислонилась спиной к колонне.

– Простите, – ее голос звучал глухо. – Он слишком был вами, чтобы мне не хотелось перерезать горло и вам... Я думаю, мне лучше уехать, хотя бы в Игуру-су...

Асунаро инстинктивно провел рукой по горлу, там, где еще недавно ощущал прохладную сталь клинка, немного помедлил, поднял с пола меч Нии-ши и почтительно протянул его владелице.

– Нет, это мне не следовало окликать вас или подходить ближе, зная о вашем состоянии, – он старался говорить размеренно и негромко, чтобы успокоить княгиню. – Я сам невольно спровоцировал вас. Так что примите мои извинения, впредь буду более осторожен.

Собравшись с силами, Кагеро посмотрела в глаза другу, которому только что чуть не перерезала горло. Не видя в них ни страха, ни обвинения, а только уверенность, поддержку и сопереживание, она почувствовала себя легче: с поклоном приняла катану и плавно заложила обратно в ножны. Облегченно вздохнув, Асунаро обернулся к Итачи и Торе и легко кивнул, показывая, что ситуация теперь находится под контролем. Но все же предусмотрительно сделал несколько шагов в сторону, чтобы кончик клинка больше не мог коснуться его шеи.

– Я думаю, нам необходимо обо всем этом открыто поговорить, – Тора наконец обрела дар речи, решила взять ситуацию в свои руки и обратилась к Кагеро: – К тому же тебе надо хоть что-то съесть, ты без еды с утра и еле держишься на ногах. Иди на террасу, я прикажу слугам принести тебе ужин. Мы все на взводе, надо решить недомолвки между нами, и прямо сейчас!

Ооками пришел в себя, и тело сразу изогнулось от боли. Судорожно вцепившись руками в подушки, он с облегчением выдохнул, осознавая, что более не прикован к столбу в пещере. Подняв голову, он осмотрелся и понял, что лежит в незнакомой комнате, освещенной тусклым магическим источником света. Потребовалось несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить бешено скачущее в груди сердце. Ооками пригляделся и понял, что уже видел эти узкие стрельчатые окна – точно такие же были во всех жилых комнатах поместья Асунаро. Позволив наконец себе расслабиться, он попытался вспомнить, как ему удалось спастись, но тщетно – память, словно подчиняясь заклинанию, такой возможности не давала.

Следующая мысль была о Кагеро – он не сомневался, что Асунаро не стал бы скрывать от нее местопребывание мужа, и огляделся в поисках подтверждения. Обычно, когда они оставались в Уките, им выделяли другую комнату – эта была ему незнакома, однако, осмотревшись, он заметил в углу свой сундук для вещей и заставил себя подняться: сначала тяжело оперся на локоть, затем медленно встал на ноги. Перед глазами замелькали черные точки, но он удержался – желание увидеть жену наяву, а не в видениях, вызванных болью на грани потери сознания, было настолько сильным, что подпитывало больше магии.

На нем были надеты лишь исподние штаны – Ооками медленно подошел к сундуку и открыл: рядом с белым тонким кейоги жены лежали его темно-коричневые хакама и зеленое кейоги, а поверх одежды – аккуратно сложенная черная лента, которой он обычно схватывал спадавшие на лицо волосы. Не удержавшись, он провел рукой по кейоги Кагеро, словно касаясь пальцами ее самой, и едва уловимый столь родной аромат жасмина подтвердил: жена в доме, где-то недалеко...

Тусклого света, заливавшего комнату, было достаточно, чтобы разглядеть шрамы, которые покрывали руки и грудь, и Ооками в очередной раз заметил, что не может думать о них: словно незамысловатые узоры, переплетения местами воспаленных ранок были на его теле всегда, и то, как они появились – никакого значения не имеет. Мягкая ткань кейоги скрыла шрамы, лента убрала мешающие волосы, обернутое вокруг талии оби и надетые поверх хакама завершили столь тяжелый в этот раз процесс одевания. Потребовалось сделать еще несколько глубоких вдохов, чтобы передохнуть. Решительно собравшись с силами, Ооками дошел до двери и шагнул на галерею второго этажа – в надежде понять, где именно находятся его друзья.

Стрекот цикад был едва слышен, полная луна высоко стояла на небе, и Ооками понял, что в Уките уже поздний вечер, если не ранняя ночь. Снизу доносились голоса, и он, тяжело опираясь на мраморные перила, двинулся по направлению к террасе первого этажа – обычного места для разговоров и вечернего времяпровождения. Спуститься по лестнице было нелегко – ноги после стольких дней бессознательного состояния еще плохо слушались, однако усилием воли ему это удалось. Пересечь парк уже было проще – Ооками показалось, что он слышал голос Кагеро, и он поспешил на него, понимая, что еще немного, и видения смогут стать реальностью.

На подушках действительно сидела она – в окружении друзей. Его тихое появление у входа осталось незамеченным, и Ооками понял, что не может произнести ни слова, чтобы привлечь внимание к себе – он привалился к косяку и просто смотрел, не мог оторвать взгляда от поникшей, расстроенной и чем-то угнетенной жены. Он словно издали слышал восклицания Торы, видел дернувшуюся как от удара Кагеро. Ооками следил за каждым ее жестом, за каждой морщинкой, недовольно пересекавшей ее лоб, – и заметил тот миг, когда она почувствовала, что он смотрит на нее: медленно, словно, не веря мимолетному порыву, Кагеро подняла голову и взглянула ему в глаза...

Глава 7. Тайны приоткрываются

Спустившись на террасу, Кагеро больше не спорила и не протестовала: на смену сильному эмоциональному напряжению пришла апатия. Она медленно спустилась по лестнице, направилась к центральной комнате этажа и устроилась на подушках. Пока не вошли слуги с подносами с чаем и легким ужином, Кагеро сидела, спрятав лицо в ладонях. Занявшие свои привычные места за низким столом Асунаро и Итачи тоже не спешили начать беседу.

– Может, если ты подробно расскажешь, что произошло в пещере, тебе станет легче и мы сможем найти еще зацепки? – предложила вернувшаяся Тора, опускаясь на подушки рядом с мужем. – Не держи все в себе, я же вижу, как тебя это выжигает! К тому же, вдруг ты что-то видела или слышала, но не придавала этому значения, а мы все вместе сможем понять, что нам делать дальше.

Кагеро подняла голову и, закусив губу, посмотрела сначала на Асунаро, но тот не отвел взгляда, а затем на зятя и подругу, приняла решение и, кивнув, потянулась за яблоком – ей было нужно время, чтобы собраться и разрешить себе вспомнить о тех событиях.

– В пещеру, скорее всего, придется вернуться. Там было нечто странное – оно и привлекло мое внимание. Зеленоватое сияние на стене, необычное для горных пород того вида. Я сама не могла определить, что это, и хотела позвать вас, – она снова посмотрела на Асунаро, – но заметила, что вы уже рядом. Поэтому повернулась к вам... к тому, кого считала вами, спиной, – Кагеро на мгновение закрыла глаза... Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. – Только после того как мне заломили руку и впечатали в стену, я поняла свою ошибку. Те слова, что он мне сказал, я опущу из уважения к вам, советник. Ну, а дальше пришлось выкручиваться по мере сил и возможностей. Результат вам известен.

– Кагеро, вы сами заметили, тот человек не был мной, – мягко, но требовательно произнес Асунаро. – Что он сказал?

Но она лишь покачала головой и вцепилась в яблоко так, что побелели костяшки пальцев.

– А если по той фразе мы сможем понять, откуда он взялся? – Тора не отступала и пыталась заставить подругу выговориться, а не держать воспоминания в себе. – Что он от тебя хотел?

– Вкратце описал последующие перспективы, – Кагеро так сформулировала свой ответ и вопросительно посмотрела на сидящих напротив напарников: – Вы оба, думаю, поняли какие? – Асунаро помрачнел и кивнул. – И Торе о них не рассказали?

После второго подтверждающего кивка Кагеро повернулась к подруге и жестко ответила на ее вопрос:

– Если я скажу, что он сначала вжал меня в стену, а затем содрал кейоги, тебе будет достаточно, чтобы воссоздать картину происходящего, или мне продолжать?

Глаза Торы широко раскрылись от ужаса, она прижала ладони ко рту, чтобы сдержать восклицание, и отрицательно помотала головой, понимая теперь, почему Кагеро так остро реагирует на приближение ее мужа. Асунаро же, который чувствовал себя отвратительно из-за сложившейся ситуации и не мог отделаться от ощущения, что виноват в приписываемых ему деяниях, решил все же переменить тему.

– Возвращаться не надо, я знаю, что это было за сияние, – он старался не встречаться взглядом с Кагеро, поэтому повернулся к Итачи, но обращался все же к ней. – Похоже, наш палач любит доставлять своим жертвам не только физическую боль, но и издеваться в психологическом плане. Это был портал наблюдения. Все происходящее он видел, сидя у себя в норе: и нападение, и вашу реакцию, и наше появление...

– Кем был тот человек? – голос Кагеро дрогнул вначале, но потом она взяла себя в руки и продолжила вести беседу: – На него ведь было наложено заклинание, которое делало его так похожим на вас?

– Да. Это беглый каторжник с рудников, – Асунаро после многочасовых допросов стражников не хотел вдаваться в подробности. – Сейчас там осматривают каждый камень, каждую тропу. Мои люди пытаются понять, как он смог сбежать, но пока никаких идей нет.

На какое-то время на террасе повисла тишина: каждый был погружен в свои невеселые мысли и не спешил делиться ими с друзьями.

– Надо что-то решать с вашими отношениями, – первая не выдержала тягостного молчания хозяйка дома. – Мне вовсе не хочется однажды обнаружить своего мужа с перерезанным горлом, но и расставаться нам всем тоже нельзя!

– Тора!.. – с болью в голосе воскликнула Кагеро, но ей не дали договорить.

– Кагеро, пожалуйста, не думай, что я тебя в чем-то обвиняю! Я даже боюсь представить себе, что бы чувствовала, если бы со мной случилось подобное! Вас явно пытаются напугать или перессорить – надо держаться вместе и так, чтобы никто из нас не пострадал. Тебе следует больше отдыхать, тогда твои реакции, может быть, станут более... адекватными. Со временем это должно... Кагеро, ты меня слышишь?..

Тора прервала свой монолог, увидев, что подруга застыла, как каменное изваяние, не мигая, уставившись в одну точку за ее спиной. Асунаро и Игачи тоже заметили такую резкую перемену, и все трое одновременно обернулись посмотреть, что привлекло внимание Кагеро.

У двери, держась за косяк, стоял бледный Ооками и смотрел на свою жену так, как будто видел в последний раз в жизни: стараясь запомнить каждую черточку ее лица, каждое движение... Кагеро медленно поднялась и осторожными, неуверенными шагами пошла к Ооками, словно боясь, что спешка спугнет фантом и видение растает. Но Ооками не исчез. Кагеро остановилась в шаге от мужа, и теперь они оба застыли, глядя друг на друга, забыв о том, что на террасе кроме них двоих есть кто-то еще. Губы Ооками дернулись в улыбке, он протянул дрожащую, испещренную шрамами руку к волосам Кагеро, провел пальцами по выбившейся прядке и тихо произнес:

– Единственное, за что я себя корил, мысленно прощаясь с тобой каждый раз, как начиналось утро, что не сказал при нашем последнем расставании, как сильно люблю тебя...

Голос Ооками разрушил в Кагеро преграды, которые она возводила, чтобы сдерживать накопившиеся эмоции. Она сделала последний шаг и заплакала, прижавшись к груди мужа, вымывая слезами все страхи и тревоги и расслабляя взвинченные до предела нервы. Обняв ее, Ооками наконец окончательно осознал, что все мучения позади: он вырвался и из рук палача, и от Повелителя душ. И его Кагеро рядом – живая, настоящая, любящая. В болезненном бреде ее образ не раз являлся ему, но только сейчас все изменилось и закончилось. Он прикрыл глаза и позволил себе коснуться губами ее виска, провести пальцами по черным волосам, вдохнуть столь родной жасминовый аромат, который всегда окутывал жену.

Рыдания Кагеро стали стихать и перешли в судорожное всхлипывание. Ооками уже и не помнил, когда последний раз она позволяла себе такое проявление эмоций. Не зная, как долго ей пришлось переживать за него, он чуть отстранился и нежно провел пальцами по ее щеке. Кагеро попыталась улыбнуться мужу, но как бы ни старался, Ооками не смог прочесть всю глубину ее боли – слезы еще застилали взгляд.

– Зачем ты встал? Ты еле стоишь на ногах... – прошептала она, не в силах справиться с катящимися из глаз слезами.

Ооками снова коснулся ее щеки, ловя очередную соленую каплю, но Кагеро перехватила ладонь, переплела свои пальцы с его и поднесла к губам. Со стороны раздалось вежливое покашливание хозяина дома, намекающего, что у сцены долгожданной встречи есть свидетели, о которых и Кагеро, и Ооками совершенно забыли. Они оба встрепенулись, и Ооками ответил:

– Если я сам дошел до этой комнаты, то выдержу и неспешный разговор.

Обернувшись, Кагеро увидела, что и Тора не может сдержать слезы радости, и сделала над собой усилие, чтобы отойти от мужа и позволить сестре и друзьям обнять его.

– Ну ты и заставил нас, братец, поволноваться! – воскликнула Тора, когда все расселись по своим привычным местам.

– Как вообще случилось, что я остался жив? – Ооками повернулся к Асунаро и не смог не удержаться и не сжать руку жены, чтобы еще раз удостовериться в ее реальности. – Я был уверен, что, открыв глаза, увижу Повелителя душ, но никак не темную комнату твоего поместья.

– Тебя подбросили к воротам дома скорее почти мертвым, чем еле живым.

– Как давно?

– Восемь дней назад.

Ооками представил себе, что творилось в эти дни как в поместье, так и в душе Кагеро, и, чтобы не выдать свое волнение, прикрыл глаза, но все же тихо произнес:

– А сколько я был... там?..

– Почти семь.

– Я потерял счет дням, боль тянулась бесконечно...

Кагеро дернулась при этих словах, выпрямила спину и обернулась к мужу. В ее глазах теперь полыхал огонь мести:

– Кто? Скажи мне его имя, и он заплатит за всю твою боль...

– Так вы ничего не знаете? – удивленно спросил Ооками. – Он не пытался связаться с кем-либо из вас?

Так как товарищи по вылазке молчали, рассказывать решил Асунаро, морально приготовившись отвечать перед другом за то, что подверг опасности жизнь его жены.

– У нас тут кое-что происходило, но мы не знаем, почему и кому понадобилось тебя пытаться.

– Я тоже, – горько усмехнулся Ооками в ответ. – Точнее говоря, я знаю, что они от меня хотели – чтобы я отдал им какую-то Северную звезду. Но я не имею ни малейшего понятия, что это такое и откуда у меня может взяться эта вещь. Я понимал, живым меня не выпустят, и мог только сожалеть о такой бестолковой смерти – фактически ни за что.

– Северная звезда?.. – встрепелась Тора. – Хоккёкусей?

– Да, они произносили это слово, – Ооками внимательно посмотрел на сестру. – Ты знаешь, что это?

– И да и нет, – Тора потерла пальцами виски. – Я рассказывала Ясумин какую-то сказку про Хоккёкусей, когда она была совсем маленькой. Но я тогда их столько перечитала, что уже не помню, о чем были те легенды или сказки. Надо будет утром пересмотреть книги, а их у нас немало...

– У вас что, советник, все легенды имеют под собой реальную основу? – наконец позволила себе ехидно усмехнуться Кагеро. – Сначала катана, теперь звезда...

– Только не произносите, пожалуйста, свою любимую фразу о том, что наша страна дикая, – в тон ей ответил Асунаро.

Итачи и Ооками, время от времени слышавшие подобные заявления от Кагеро, рассмеялись, окончательно снимая болезненное напряжение вечера.

– Почему они сочли, что камень у тебя? – Тора не давала отвлечься от основной темы разговора. – Из-за того, что ты касался его?

– Почему ты так решила? – настороженно спросил Ооками, становясь снова серьезным.

– Посмотри на пальцы своей правой руки.

Нахмурившись, Ооками повернул ладонь кверху. Ранки уже зажили, но шрамы были хорошо видны.

– Да, они почувствовали, что я касался этого амулета. Но как – не имею ни малейшего понятия. Я брал в руки столько предметов, что любой из них мог оказаться этой самой звездой. Полагаю, это какой-то драгоценный камень, раз его так назвали.

– Кто? – повторила свой вопрос Кагеро – ее спина была напряжена так, что казалось, она в следующий момент готова ринуться в бой.

– А у вас не было никакой, даже самой безумной идеи?

Ооками не смог отказать себе в еще одном нежном касании ее руки – их пальцы переплелись, и он решил больше не прерывать их тактильную связь.

– Идей было мало, – взгляд Кагеро смягчился, но желание узнать имя виновника не давало увести ее от цели: – Самая логичная – это возможная месть за Куротачи и все, что могло быть с ним связано. Но Незуми умер на рудниках, а у Куротачи, как сказал Асунаро, наследников нет.

Неожиданно рассмеявшись, Ооками покачал головой, а потом заставил себя оторвать взгляд от Кагеро и перевел на Асунаро:

– Ну знаешь ли, советник, от тебя я такого не ожидал! И это сказал ты, близко знакомый с моей сестрой и женой...

– О нет! – простонал Асунаро, откинулся на подушки и закрыл лицо руками. – Я идиот! Конечно же! У Куротачи нет наследников, у него есть... наследницы...

Многочисленно переглянувшись, Тора и Кагеро почти одновременно хмыкнули – и выражение их лиц не сулило советнику ничего хорошего.

– Не надо! – Асунаро резко выпрямился и быстро выставил руки, защищаясь. – Я прекрасно знаю все, что вы обе мне хотите сказать. Был неправ, признаю свою ошибку и приношу извинения.

– Так что там с наследницами? – укоризненно качая головой, спросила Кагеро.

В иной ситуации она бы ответила гневной тирадой, но присутствие Ооками, то, как он сжимал ее ладонь, ощущение тепла его пальцев умиротворяло настолько, что она решила не идти в этот бой.

– У Куротачи, если мне не изменяет память, было три дочери, – принялся вспоминать Асунаро и не удержался от комментария: – Похоже, что его, как и отца, коснулась семейная традиция рожать только девочек... После рождения все три были отобраны у матерей и росли во дворце вместе с дочерьями Повелителя. Куротачи ими мало интересовался, даже, можно сказать, не интересовался вообще. Поэтому их скорее считали дочерьями, чем внучками Повелителя. Когда они выросли, их, естественно, выдали замуж. Старшая, кажется, уже умерла... – Асунаро задумался, вспоминая детали. – Младшая живет где-то на юге, а средняя вышла замуж и осталась при дворе. А замуж ее выдали за...

Он замолчал, осознав правильный ответ на все свои вопросы, и рукой закрыл глаза.

– Кувабару, – тихо закончил за него Ооками.

– Да, за Кувабару... – в голосе Асунаро прозвучали нотки отчаяния – он прекрасно знал этого человека, но почему-то не вспомнил, перебирая всех возможных противников: – Придворного палача Повелителя...

– Что за странное имя? – удивился не вмешивавшийся до этого в разговор и начинающий украдкой зевать Итачи. – «Чур меня!»

– Это не имя, а кличка. Так его прозвали побывавшие у него в руках, надеясь, что не он будет задавать им вопросы... – Асунаро выпрямился, стараясь не встречаться взглядом ни с Кагеро, ни с Торой. – Как его зовут на самом деле, уже не помнит никто. Кувабара много лет назад отошел от дел и больше не практикует в темницах Повелителя, но это не значит, что он потерял навыки...

– Да-а, советник... – протянула Кагеро. – Сегодня вы нас просто шокируете своими знаниями о дворцовой жизни! Вдруг, если бы вы вспомнили об этом хотя бы на пару дней раньше, последних событий можно было бы избежать...

– Кстати, что у вас произошло? – спросил Ооками и повернулся к сестре: – Я слышал твои слова, что кто-то собирался перерезать горло Асунаро.

– Я собиралась, – мрачно ответила Кагеро, отводя взгляд.

Брови Ооками изумленно поползли вверх:

– Неужели наш дорогой советник так тебя довел, что ты решила положить конец вашим спорам и разногласиям столь радикально?

Ни Кагеро, ни Асунаро не ответили на этот вопрос, старательно избегая смотреть друг на друга.

– Похоже, рассказывать придется мне, – вздохнул Итачи, прикрывая зевком ладонью, – иначе они опять подерутся... – Кагеро нехорошо посмотрела на него исподлобья, но промолчала. – Твой этот Кувабара окутал дом заклинанием, и нам троим, – он указал на Асунаро и Кагеро, – стали сниться сны о наших детях, словно кто-то их там держит... в горах. Чтобы избавиться от наваждения, мы должны были в эти горы попасть, что и сделали.

– погоди, – прервал его Ооками, думая, что ослышался. – Ты хочешь сказать, что Кувабара заманил вас такую очевидную в ловушку, и вы в нее добровольно пошли?

При этих словах Тора негодуяще фыркнула, однако пока решила не комментировать вопрос брата, а сложила на груди руки, предвкушая ответ.

– Во-первых, мы должны были снять заклинание, а во-вторых, думали, вдруг сможем понять, кто на тебя напал, и вообще, что этот палач-колдун от нас хочет! Да, голос разума у нас все же был, – Итачи отвесил легкий поклон в сторону хозяйки дома, – твоя сестра пыталась нас отговорить, но переубедить наших упорных воинов... – следующим жестом он обратил внимание друга на излишние невозмутимых Кагеро и Асунаро, – ей не удалось.

– Ты так говоришь, как будто сам не рвался в бой! – княгиня кинула на зятя уничижительный взгляд.

Однако Итачи оставил этот выпад без внимания – просто пожал плечами и продолжил рассказ:

– Асунаро знал, где искать пещеры, мы разделились: Кагеро пошла в одну сторону, мы в другую. Наша была пуста, зато твоя жена получила сполна. Может, дальше расскажешь сама? – обратился он к ней.

– Продолжай... – процедила Кагеро.

– Как хочешь, – развел руками Итачи, – Потом не обижайтесь, если я иначе перескажу. В общем, ее там поджидал один из подельников твоего Кувабары, но не просто так, а в облике Асунаро, причем даже одетый точно так же! Двойник – что не отличишь, идеальное заклинание! Напал со спины, они подрались и Кагеро его убила. А теперь – по старой памяти – безуспешно пытается это сделать еще раз.

Переведя взгляд с Кагеро на Асунаро – по неоднозначному выражению их лиц можно было понять, что за этой парой фраз скрывается намного больше, – Ооками покачал головой и подвел итог услышанному:

– Ничего не буду говорить по поводу того, что вы отпустили ее одну, так как догадываюсь, что спорить с моей женой было трудно. Но все равно вы трое поступили более чем безрассудно!

Подробности он решил узнать потом, очевидно, что ни Кагеро, ни Асунаро не собирались рассказывать их во всеулышание.

– Может, тебя они послушают, – проворчала Тора, которая до сих пор корила себя, что позволила им отправиться в горы. – Мои попытки их остановить остались безрезультатными.

Черные точки перед глазами, а также легкое головокружение и озноб дали Ооками понять, что он поторопился с выводами о состоянии своего здоровья. Он пригубил чай, кото-

рый успел за время разговоров остыть, и понял, что легкая дрожь от этого не прошла. Чувство голода после стольких дней без еды тоже не мучило его – это было странным, вкупе с невозможностью вспомнить о пытках. Похоже, что силы и энергию он пополнял с помощью местного лечебного заклинания, и это пока устраивало его – однако желание оказаться в тишине и темноте начинало брать над ним верх.

– Предлагаю дальнейшее обсуждение отложить на завтра, – сказал Ооками, тяжело поднимаясь на ноги. – Я начинаю чувствовать сильную усталость и предпочитаю до комнаты дойти сам, а не отключиться прямо тут.

– Разумное решение, – согласилась Тора, от внимательного взгляда которой не ускользнуло внезапное изменение состояния Ооками. – Заклинания лекаря поддерживали тебя, пока ты без сознания, теперь они постепенно спадут, и ты можешь резко почувствовать себя хуже.

Асунаро и Тора внимательно следили за тем, как медленно и осторожно – все еще не выпуская руки Кагеро из своей ладони – Ооками идет к выходу на галерею и подходит к лестнице. Он остановился, опершись на перила, понимая, что перед восхождением на второй этаж ему надо передохнуть.

– Асунаро! – воскликнул тем временем, задержавшийся на террасе Итачи. – Я был бы признателен, если бы ты перебросил меня в Игуру-су. Полагаю, что теперь есть кому приглядывать за моей дражайшей сестренкой, а я уже так давно не видел свою жену!

– Что? – попыталась возмутиться резко развернувшаяся Кагеро. – Ты все это время следил за мной?

– Присматривал, – он отскочил на безопасное расстояние (за спину Асунаро), – давай назовем это так. Присматривал, чтобы ты не наделала глупостей!

Но Ооками, обменявшись коротким взглядом с хозяином дома, а также прекрасно понявший значение слов Итачи, обнял жену за плечи и подтолкнул к лестнице:

– Пойдем спать, скандал ты еще успеешь закатить им обоим завтра, когда передохнешь и поймешь, что они делали все это из лучших побуждений и в целях самозащиты.

Кагеро укоризненно посмотрела на смеющихся друзей и покачала головой, старательно пряча и свою улыбку: рядом с Ооками жизнь снова возвращалась в привычное русло, и никакие подшучивания не имели больше для нее значения.

Глава 8. Хоккёкусей – Северная звезда

Утро началось совсем иначе, чем предыдущие, о которых Ооками помнил, – он проснулся первым и долго лежал, наблюдая за тем, как подрагивают ресницы спящей рядом Кагеро. Ооками удержался от желания провести рукой по ее волосам, боясь, что разбудит: он уговорил жену рассказать о происшедшем в пещере и – после упоминания вскользь о том, что друзья напоили ее снотворным – понял, насколько тяжела была прошлая ночь.

Звуки просыпающегося дома, ржание проходивших под окнами на выпас коней разбудили Кагеро, и сдерживать себя в желании коснуться жены уже не было необходимости. На террасу они спустились намного позднее обычного – собираясь и приводя себя в порядок, оба не торопились, наслаждаясь возможностью быть наедине.

Асунаро и Тора уже почти заканчивали завтрак, и Ооками, здороваясь, переглянулся с сестрой – вчера он успел шепнуть ей просьбу увести Кагеро, и та подтвердила свое обещание кивком. Еда была такой же, как и всегда – он опасался, что после стольких дней без пищи будет чувствовать себя иначе.

Когда гости закончили завтрак, Тора, внимательно следившая и за тем, как ела за прошлые дни измученная и не появлявшаяся на террасе подруга, и как восстанавливал после ослабления заклинаний силы Ооками, встала и обратилась к ней:

– Кагеро, ты мне не поможешь с книгами? Их так много, что одна я боюсь не успеть пересмотреть их все до обеда.

– Конечно, – ответила она, соглашаясь. – Надо быстрее понять, что это за камень и зачем нужен Кувабаре – кто знает, каким заклинанием он попытается воздействовать в следующий раз.

Когда женщины вышли, внимательно слушавший разговор Асунаро, от которого не ускользнул обмен взглядами между братом и сестрой, обернулся к Ооками и уточнил:

– Полагаю, Тора увела Кагеро не случайно?

С уходом жены в груди у Ооками поселилось неприятное чувство – страх, что больше ее не увидит. Хоть он и знал, что теперь находится в безопасности и Кагеро – просто в соседней комнате, ему потребовалось сделать над собой усилие – выровнять дыхание и успокоить заплывавшее в груди сердце – и кивнуть в ответ:

– Хотел уточнить у тебя кое-что, прежде чем произносить при ней вслух некие имена. Я вчера сказал не все из того, что знаю...

Асунаро нахмурился – он-то надеялся, что и так вышедшая из-под контроля ситуация с побегом с рудников и нападением палача на советника с Сейто не усугубится, но по серьёзному виду Ооками догадывался, что надеждам сбыться будет не суждено. С его помощью рассказ про Северную звезду Тора нашла бы гораздо быстрее – он лучше Кагеро ориентировался в своей библиотеке, – но понимал, что иногда необходимо оттянуть момент истины и сначала решить сопутствующие проблемы.

– Идем в мой кабинет, там никто не услышит...

Асунаро помнил наставления жены, не раз беседовавшей с дворцовым лекарем о том, как помочь брату, когда он придет в себя, и приказал слугам перенести чайник, приготовленный Торой специально для Ооками, в кабинет. Среди ее лекарственных запасов нашлись травяные сборы, которые не давали начаться воспалению, и чай надо было постоянно пить в течение ближайших нескольких дней.

Вкус был горьким и терпким, но Ооками не мог ослушаться четких указаний сестры: устроившись в плетеном кресле напротив привычно заваленного бумагами стола, он разом выпил первую порцию – не желая растягивать сомнительное удовольствие, – поморщился и, только вернув пиалу к чайнику, задал тревожащий его со вчерашнего дня вопрос:

– Ты уверен, что Незуми погиб два года назад?

– Незуми? – от удивления Асунаро нахмурился и подался вперед. – Знаешь, после того, что сейчас творится на рудниках, я больше ни в чем не уверен. По идее, его тело должно быть погребено в одной из рухнувших шахт.

Ооками еще не мог избавиться от ощущения горечи во рту, сжал губы и снова поморщился:

– То есть ты хочешь сказать, что его может там и не быть?

Тяжело вздохнув, вспоминая скандал, который поднялся после доклада Повелителю, Асунаро устало потер виски: он прибавил работы дворцовым палачам. Однако доказать, что каторжникам сбежать помог кто-то из стражников, так и не смогли – по официальной версии считалось, что это удалось после обрушения одной из стен пещеры. Вопросов было больше чем ответов, но иначе воссоздать картину происшедшего так и не удалось.

– Всего два дня назад я видел клеймо смертника на ноге человека, который физически не мог находиться за пределами рудников. А он лежал обезглавленный в моем сарае. Теперь я ни в чем не уверен!

– Клеймо смертника на ноге? – насторожился Ооками: память услужливо напомнила ему о находке маленькой Саншуо в лесу.

– Да. Ты не знал? Мы ставим знак смерти на лодыжку приговоренным к пожизненному заключению на рудниках.

Ооками, никогда не интересовавшийся до этого вопросами содержания каторжников Хидари, потянулся за листом бумаги и пером. Набросав по памяти знак, который видел на ноге попавшего в его дом два года назад человека, он протянул другу лист через стол.

– Такой?

– А где *ты* его видел? – нарочито безразлично произнес Асунаро.

– На ноге человека, которого примерно два года назад нашли умирающим в лесу недалеко от нашего дома.

В смешке, который издал Асунаро, прозвучало отчаяние, граничащее с неверием в услышанное.

– Наши смертники обнаруживаются разгуливающими то по Хидари, то по Сейто! Замечательно... – он снова потер виски, чувствуя, что с каждым новым открытием в них начинает пульсировать боль. – «Дикая страна», как сказала бы твоя жена! И в этот раз она была бы недалеко от истины! Я не представляю, как сообщу об этом Повелителю. Уже сам факт побега с рудников привел его в ярость. А то, что он был явно не первый, и тот, кто убежал, еще и добрался до Сейто... Когда это было?

– Осенью два года назад. Только начали падать листья.

– Обвал, в котором якобы погиб Незуми, произошел как раз в это время... осенью... Ты видел его?

Ооками перевел взгляд на окно, пытаясь поднять из памяти обрывочные воспоминания – это было сделать нелегко еще и потому, что заклинания дворцового лекаря блокировали многое из того, что могло причинить ему душевную боль.

– Я видел человека, который мог им быть. – Образы, лица, слова – все смешалось в бесцветный клубок, и он тщетно пытался его размотать. – Учитывая ваши рассказы о двойниках, сначала решил спросить у тебя, мог ли Кувабара превратить кого-то в Незуми, чтобы повлиять на Кагеро?

– Исключено, – сразу ответил Асунаро. – Его можно создать только по образу живого человека. Даже если ты видел двойника Незуми, то настоящий непременно жив. Но почему ты так уверен, что это он?

Сухое старческое лицо с глазами, пылающими ненавистью, с трудом всплыло в его памяти; Ооками даже показалось, что он чувствует, как дрожащие пальцы до боли вцепились – словно в тот раз – в его плечо.

– К нему обращались «господин Незуми», он выглядел так, как я себе представлял бы его после восьми лет каторжных работ. Постаревший, высохший, сгорбленный, лицо покрыто морщинами... – он инстинктивно повел плечом, словно сбрасывая с себя воспоминания о встрече с дядей жены. – Когда его привели, со мной уже два дня работал Кувабара. Я плохо помню, что он говорил, скорее... бормотал. Но я все еще мог соображать и узнал Незуми, несмотря на боль.

Асунаро запустил пальцы в волосы и попытался подвести итог услышанному:

– Два года назад случился обвал. Два года назад вы видели на Сейто беглого каторжника... Этот обвал вполне мог замаскировать или же поспособствовать побегу. Но тогда погибло более десяти человек. Получается, они спокойно разгуливают теперь по миру!?

Ооками отстранился от своих воспоминаний – сделать это оказалось легко, что было явным последствием заклинания, – и пожал плечами.

– Получается так... Ты можешь узнать подробнее?

– Узнаю. Мы договорим, и я первым делом снова отправлюсь на тот рудник. Я тут знаешь, о чем подумал...

Асунаро оборвал себя на полуслове и, не закончив фразу, поднялся на ноги. Ооками внимательно следил, как он прошел от одной стены, до другой, словно не в силах оставаться неподвижным, обдумывая встревожившую мысль. Привычным жестом он потянулся за пиалой, полагая, что придется какое-то время ждать продолжения беседы, но вспомнил, что именно находилось в чайнике, поморщился и отдернул руку. Пройдя еще несколько раз от одной стены до другой, Асунаро наконец собрал воедино свои воспоминания, остановился и, присев на край стола напротив Ооками, произнес:

– Когда Куротачи простили и он вернулся на Хидари вместе с Незуми, Кувабара как раз еще работал во дворце. Незуми не мог не знать, за кого выдали дочь его... друга – если можно назвать дружбой их странный союз. Поэтому я совсем не удивлен, что после побега с рудников он обратился именно к Кувабаре и Сузуран. Тогда казнили многих соратников Куротачи, но Кувабару никто не тронул – он никогда не поддерживал тестя в открытую, просто делал свою работу в подвалах дворца. Может, наслушавшись Незуми, Сузуран уговорила мужа отомстить Кагеро за отца, или ими обоими движет какой-то иной мотив, но... Кувабара – серьезный противник, он не глупец, поймет, что ты назовешь его имя, как придешь в себя. И именно поэтому найти его логово будет практически невозможным...

– Разве что он сам снова вынудит нас прийти к себе... – заметил Ооками и после небольшой паузы добавил: – Кагеро рассказала, что происходило в пещере...

Асунаро помрачнел и понял, что не может удержаться от вопроса, который не давал ему покоя с того дня: спрашивать княгиню он не решался.

– Разбойник... только ударил ее или же... – он запнулся, подбирая слова, потому что помнил, как выглядела Кагеро в тот момент, когда они нашли ее в пещере, – успел сделать что-то больше?

– Только ударил... – По тому, как с облегчением Асунаро выдохнул и прикрыл глаза, Ооками понял, что друг опасался иного ответа, и решил перевести тему разговора на менее щекотливую: – Кстати, я хотел тебя спросить еще об одном... Чем вы меня лечили? Я чувствую себя довольно странно: помню все, что со мной делали, но такое впечатление, что это происходило не со мной, а с кем-то другим. Я не жалею, рад, что воспоминания не доставляют мне никакого душевного дискомфорта, но это кажется немного ненормальным.

– Радуйся, пока можешь так все воспринимать, – ответил Асунаро, выпрямляясь. – Это действие заклинания, и оно, увы, будет постепенно ослабевать, когда ты вернешься домой на Сейто. Вот тогда, боюсь, ты осознаешь, что это происходило именно с тобой.

– Ясно. Буду решать проблемы по мере их поступления. Раз я могу об этом не думать, оно и к лучшему – сейчас надо максимально собрать наши силы, иначе Кувабара снова возьмет над нами верх.

– Тогда я на рудники, а тебе сообщать Кагеро и Торе о новом участнике событий, – подытожил Асунаро и не удержался от восклицания: – Как же я рад, что могу при этом не присутствовать!

– Неужели все настолько плохо?

Ооками понимал, что отношения между женой и другом, постоянно о чем-то споривших, достигли максимального накала – события в пещере только усугубили проблему. Но если утром в глазах отдохнувшей Кагеро он больше не видел той напряженности, которая чувствовалась при вчерашнем разговоре, то Асунаро, совершенно очевидно, еще опасался возможных действий против него.

– Могу сказать тебе честно: я уважаю Кагеро, считаю ее хорошим воином и другом, но... – он помедлил, – ...ты не смотрел ей в глаза в тот момент, когда она отрубала голову человеку, похожему на тебя самого как две капли воды. И знаешь... вот тогда я вовсе не был уверен, что она не сделала бы то же самое, будь перед ней не чужак.

– Я понял... – коротко кивнул Ооками, показывая, что дальнейшие пояснения не нужны: опасения и осмотрительность Асунаро были ему понятны – иногда инстинкты Кагеро работали против нее, заставляя защищаться даже от друзей.

Он поднялся следом и тоскливо посмотрел на чайник, который был еще полон целебного отвара. От Асунаро не ускользнула реакция друга на чай – к тому же он знал, из чего состоит заваренный сбор, и представлял, какой тот на вкус. Он усмехнулся и протянул пиалу другу:

– По одной каждый час – ты же понимаешь, Тора быстро узнает, что ты не следуешь ее указаниям.

Ооками, считавший, что после того, сколько друзья сделали, чтобы поднять его на ноги, не может себе позволить упрямыться, захватил с собой как пиалу, так и чайник, а затем вернулся в комнату, в тишину – после долгого и эмоционального разговора он снова почувствовал возвращающуюся слабость и не хотел усугублять свое состояние.

Рассказ мужа о Незуми Кагеро, вопреки опасениям Асунаро, выслушала спокойно – она не верила до конца в его смерть, не увидев тела. Ненависть к старому врагу снова загорелась в ее глазах, в список претензий к дяде добавились и пытки Ооками. Они с Торой пересмотрели большое количество книг и нужную не нашли даже к обеду. Асунаро появился в компании нетерпеливо ожидавшего открытия тайны камня Итачи, как и обещал, в полдень, но практически сразу же был вынужден покинуть поместье и вернуться во дворец: новая информация о побеге пришла Повелителю не по душе, и он требовал от Асунаро детального отчета.

– Визит в Игуру-су откладывается до вечера, – сказал он обеспокоенным друзьям. – Вы пока продолжайте искать информацию о камне. Я вообще думаю, что нам следует перебраться в горы, раз Ооками уже лучше и он сможет без последствий пройти через портал: здесь оставаться слишком небезопасно. Ни Кувабару, ни его жену Сузуран не видели во дворце с того дня, как пропал Ооками, они могут продолжить атаки на дом, и я не уверен, что мои амулеты сдержат их. Защита в горах надежнее и сильнее.

Из дворца Асунаро вернулся поздно вечером, когда темнота уже окутала дом, а друзья обсуждали всевозможные идеи, которые появились после прочтения легенды о Хоккёкусей.

Новостей у него не было, поэтому он сразу взял протянутую Торой книгу и пробежал глазами текст.

– А, тот самый волшебный камень, исполняющий невысказанные желания? – пробормотал он, вспоминая сказку, читанную в детстве.

На Хидари вся магия зависела от мощности артефактов, но про настолько сильные и редкие – слагали легенды, зачастую приписывая им свойства, которыми они на самом деле не обладали.

– Мы не знаем, какова доля правды в этой истории, – Итачи как раз был более скептичен в своих рассуждениях. – Ведь если камень кому-то сейчас принадлежит, что мешает этому человеку захотеть, например, править вместо Повелителя? Или построить себе огромный дворец! Владение таким амулетом было бы заметно...

– Это говорит только о том, что им сейчас никто не пользуется. Или этот человек не знает о свойствах камня, – возразил Асунаро.

– Он не может не знать! – ответила Тора, привыкшая внимательно читать книги, и от нее не ускользнули все мелочи и намеки, которыми была полна легенда. – Представь себе: он носит его в кармане, и стоит ему просто захотеть выпить воды, получить какой-то предмет или же оказаться где-либо, как это сразу произойдет.

– Значит, камень не выполняет желания подобного рода, – продолжал настаивать Итачи. – Или нужны дополнительные условия! Это же легенда! Вымысел!

Кагеро и Ооками не принимали участия в споре: княгиня задумчиво листала книгу, а Ооками, прикрыв глаза, просто наслаждался присутствием рядом жены: она прислонилась к его плечу, и он, обнимая ее за талию, чувствовал каждый ровный вдох и выдох, дыша с ней в унисон. Ужин прошел, и можно было позволить себе не соблюдать строгие правила поведения за столом – на Хидари они и так были намного вольнее, чем на Сейто. Когда же участники оживленной дискуссии на мгновение замолчали, чтобы обдумать новые аргументы и доводы, Кагеро негромко произнесла:

– Вот вы спорите, что может камень... а обратили ли вы внимание на другое место?

Она перелистнула книгу на нужную страницу и стала читать: «О чудо! – воскликнул изумленный отец. – Да ты, похоже, волшебник!» – «Нет, это не я, – вздохнул юноша. – Мой уродливый камень творит чудеса...»

Выпрямившись Кагеро резко захлопнула книгу и оглядев недоумевающих друзей, продолжила:

– Если верить реплике отца, юноша не был магом... а получив камень, смог сотворить заклинание. Я не удивляюсь тому, что такой амулет нужен Незуми, если он действительно дает возможность колдовать тем, кому природа в этой способности отказала.

Тора потянулась за книгой через стол и быстро нашла процитированное подругой место. Пробежав отрывок глазами несколько раз, она согласилась с выводами Кагеро:

– Звучит логично... К тому же тогда ясно, почему за его поиски принялась Сузуран: женщины на Хидари не колдуют. Сомневаюсь, что только месть за отца, которого она, думаю, никогда особо не знала, движет Сузуран и ее мужем. Хотя Кувабаре этот камень в таком случае ничего не даст, он-то и так уже маг... а вот перед ней открываются вполне заманчивые перспективы, вплоть до отстранения деда от власти.

Это предположение не понравилось Асунаро, хоть он и сомневался, что существует артефакт мощнее родовых амулетов Повелителя Хидари – те брали силу также от магии, которая была у прямых потомков рода Куро в крови. Но понимал, что поднять бунт или же иначе навредить стареющему деду Сузуран сможет.

– В такие свойства камня я скорее поверю, чем в исполнение любого желания! – согласился Итачи, подводя итог их спору об особенностях амулета, а затем обернулся к Кагеро: –

Тебе же катана Нии-ши как-то помогает творить магию на Хидари, значит, может существовать амулет, который дает подобный шанс и другим...

Ооками с момента, как Кагеро предположила о возможности не-магам с помощью Хоккёкусей творить заклинания, внимательно следил за выражением лица сестры: в ее глазах вспыхнула надежда, но он заметил, что Тора боится признаться в ней вслух.

– И, может, не только тем, у кого магии никогда не было, – Ооками негромко произнес вместо сестры слова, которые явно были у нее на душе. – Но и тем, у кого ее отняли...

Закусив губу, чтобы не выдать переполнявшие эмоции, Тора только кивнула, подтверждая, что тоже подумала об этом: с помощью амулета она сможет творить магию, как и раньше. Асунаро, задумавшийся о последствиях владения камнем Сузуран или Незуми, не сразу понял, как много может значить обладание Хоккёкусей для жены, однако после слов Ооками нахмурился, коря себя за недалёковидность. Он накрыл своей ладонью ее пальцы и, мягко сжав, произнес:

– Если этот камень действительно существует, мы найдем его для тебя...

Взволнованная Тора ничего не ответила, только обернулась и с надеждой посмотрела мужу в глаза.

– Давайте перебираться в Игуру-су, – Кагеро решила, что они все обсудили, и первая поднялась с подушек. – Скоро полночь, дети, надеюсь, уже спят в такое время, но раз мы все подготовили, надо идти.

Не прошло и получаса, как Асунаро отдал слугам последние приказания и открыл портал в Игуру-су. В доме было тихо, и они старались не шуметь, чтобы не разбудить детей, только сонная Кицуне почти сразу вышла на негромкие звуки шагов. Обрадовано обняв Ооками, она шепотом поинтересовалась, не случилось ли что-то еще, но ей ответили, что все разговоры лучше оставить до утра.

Первым делом Тора и Кагеро прошли к той части дома, где находились спальни детей. Тихо, чтобы никого не разбудить, они вошли в комнаты и почти сразу же испуганно выскочили обратно в коридор, обнаружив детские кровати пустыми. Тревожно переглянувшись, они открыли дверь в комнату Шики, но и там никого не увидели. Чувствуя растущую панику, обе матери выбежали на террасу.

– Кицуне, – обратилась Кагеро к дочери, – где они?

– Кто? – сон моментально слетел с нее, и она запаниковала.

– Дети! Все кровати пустые!

– Не может быть! – она вскочила и побежала в комнату дочери. – Я сама укладывала их спать час назад! Вдруг они где-то спрятались?

По всему дому зазвучали голоса родителей, ищущих своих детей. Разбуженные слуги присоединились к хозяевам и с факелами стали прочесывать двор. Убедившись, что на территории дома дети отсутствуют, Асунаро активировал все родовые амулеты, чтобы найти сына или дочь, а через несколько минут ошарашенно посмотрел на жену и медленно произнес:

– Ни одно заклинание не улавливает их местонахождение... Их вообще нигде нет...

Глава 9. Поиски детей

Той ночью в доме никто не спал. Асунаро поднял на ноги все горное селение, но к утру детей так и не обнаружили. Пока мужчины обыскивали близлежащие территории, женщины внимательно осматривали вещи, пытаясь понять, что они взяли с собой. На рассвете сосредоточенная Тора и заплаканная Кицуне пришли в комнату Саншуо и Цуру и тяжело опустили напротив задумавшейся Кагеро. Она посмотрела на них и спросила:

– Вам обеим не кажется, что дети сами готовились убежать?

– Кажется! – ответила Тора, придя к такому же выводу несколькими минутами раньше: – Ночные рубашки аккуратно сложены на кровати, и теплую одежду они взяли.

Едва выкарабкавшаяся из переживаний об Ооками, Кагеро поняла, что побег Саншуо и Цуру снова толкает ее в бездну отчаяния. Она изо всех сил старалась удержать растущую панику: только бы никто из детей не попал в руки Кувабары! Больше всего Кагеро боялась, что найти их не могут, так как палач запрягал их в свою пещеру. Вслух опасения она не решилась произносить: Тора и Кицуне были и без того издёрганы и новые переживания ситуацию бы не улучшили.

– Они весь день ходили какие-то притихшие... – всхлипнула Кицуне. – Думала, ждут вас, поэтому и не шалят, а они, похоже, собирались бежать...

– Но зачем им это понадобилось?! – всплеснула руками Тора. – Как пятеро детей могли исчезнуть?! Хорошо, у Юми есть амулеты, и он может творить заклинания. Шика и близнецы – все уже достаточно взрослые, чтобы придумать и воплотить самый безрассудный план, но Ясумин, ей только пять?!

На эти вопросы ответить никто не мог – они прекрасно знали о склонности своих детей пошалить, но в этот раз все зашло слишком далеко. Послышались торопливые шаги, однако вести, которые принес Ооками, утешительными не были – поиски результатов не дали:

– Может, вы хоть что-то узнали?

– Да, – ответила Кагеро. – Похоже, дети решили поиграть с нами в прятки.

Тяжело вздохнув, Ооками возвел глаза к небу – и он осознал, что оставлять пятерых детей под присмотром одной только Кицуне может быть чревато подобными последствиями: они сбегали из дома, и не раз. Но, чтобы найти их на Сейто, ему было достаточно пары капель крови...

– Асунаро приказал седлать лошадей, будем осматривать горы. Ты с нами? – обратился он к жене.

– Конечно!

Кагеро не могла больше сидеть без действия, ожидая новостей, вышла следом за Ооками и присоединилась к группе всадников, которые ждали приказа своего господина. Крайне сосредоточенный Асунаро вскочил на гнедого коня и обратился к друзьям:

– Делимся на четыре отряда. Берем с собой по несколько человек и едем в разные стороны. Осматриваем каждую пещеру, каждую расщелину. Возвращаемся обратно к полудню. Если мы их не найдем до этого времени, то отдыхаем, меняем коней и отправляемся заново.

Давно не сидевшая в седле Кагеро еле справилась с поводьями, но смогла подвести свою лошадь к Асунаро.

– Почему ваши артефакты не засекали сына? Как такое может быть? Он снял родовой амулет?

Горячий гнедой конь рвался с места, и Асунаро не сразу усмирил его.

– Поисковое заклинание ищет не только по амулету, но и по крови, – ответил он, когда ему это удалось. – Оно может дать сбой, если дети залезли в какую-нибудь глубокую пещеру.

Надо быть очень близко к Юми, чтобы заклинание сработало. Или же их нет на Хидари, или же...

Асунаро не стал заканчивать предложение, но Кагеро и так поняла, что он хотел сказать. Пришпорив лошадь, она кивнула своим сопровождающим и поскакала на север от поселка, осматривать горные пещеры.

К обеду вернулись все, кроме отряда Асунаро. О сбежавших детях ничего не узнали: не нашли ни следов, ни вещей. Прошло еще несколько часов, но Асунаро так и не появился, зато вернулись трое его сопровождающих. Они удивились, что господин не дал о себе знать, им пришлось разделиться: стражники обыскивали пещеры, а Асунаро – его гнедой конь был самым выносливым – поскакал осматривать ближайший лесок, дав приказ возвращаться без него. Стражники задержались в пути, так как на обратной дороге заметили еще несколько пещер, которые стоило осмотреть, и рассчитывали встретить хозяина дома.

До этого момента державшая себя в руках Тора стала тихо паниковать: сначала пропали дети, теперь и муж! И к вечеру было решено отправляться уже на поиски Асунаро. Так как за день лошади сильно устали, то готовых совершить еще одно путешествие нашлось только пятеро. Несмотря на тяжелую ночь и изматывающее утро, Ооками с Итачи оставили Кагеро дома и отправились в сопровождении трех стражников по пути Асунаро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.